

Ты

Автор:

[Кэролайн Кепнес](#)

Ты

Кэролайн Кепнес

Ты #1Убийство по любви

ИСТОРИЯ О РОМАНТИЧНОМ СЕРИЙНОМ УБИЙЦЕ В ПОИСКАХ НАСТОЯЩЕЙ ЛЮБВИ.

Джо Голдберг, продавец из книжного магазина, – очень непростой парень. Ну то есть как непростой... Не такой, как все. Поэтому большей частью он один. Ну то есть как один... Время от времени он влюбляется в интересных девушек, всякий раз веря, что нашел идеальные отношения. Но всякий раз оказывается, что идеал пока недостижим, и Джо расстается с девушками. Ну то есть как расстается... Скажем так, они уходят из его жизни. Но наконец-то он нашел ЕЕ. О ней он узнал все. Ну то есть как все... АБСОЛЮТНО ВСЕ. Она перед ним как открытая книга. Теперь ошибки быть не может – эта любовь должна быть идеальной. Осталось лишь убедить в этом избранницу. Ну то есть как убедить...

Мы даже не представляем, насколько легко можно манипулировать нами в век «цифрового общения». Сталкинг становится повседневной реальностью. Мы открыты перед нашими фолловерами – и это катастрофа... Вот о чем роман Каролины Кепнес. Это сплав «Над пропастью во ржи» с «Американским психопатом», «Исчезнувшей» и «Мизери». Язык повествования настолько силен и достоверен, что кажется, будто главный герой сам написал эту книгу. Компания Netflix экранизировала «Ты» в одноименном сериале.

«Гипнотически и ПУГАЮЩЕ. Никогда не читал ничего подобного».

Стивен Кинг

«Фантастически пугающий триллер... Он из тех книг, ради которых ты приостанавливаешь свою жизнь».

Glamour

Кэролайн Кепнес

Ты

© Перевод на русский язык. Карпова К., 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

1

Ты заходишь в магазин. Аккуратно придерживаешь дверь. Смущенно улыбаешься, как хорошая девочка. Ногти без яркого лака, бежевый джемпер с треугольным вырезом – и не разглядеть, есть ли на тебе лифчик. Ты вся такая чистая, что в голову сами лезут грязные мысли. Мурлычешь мне «привет», хотя большинство покупателей просто проходят мимо. В свободных джинсах, розовых, как наивный маленький поросенок из детской книжки «Паутинка Шарлотты». И откуда ты такая взялась?

У тебя правильное лицо и стройная фигура – ты моя персональная Натали Портман из последней сцены фильма «Близость», посвежевшая после расставания с плохими английскими парнями, вернувшимися домой в Америку. Твой дом – я, и ты вернулась ко мне в 10:06 во вторник. Ты возникла в моем мире, и мне стоило бы принять таблетку лоразепама, но он внизу. А я не хочу уходить. Хочу не отрываясь наблюдать, как ты грызешь ноготь и поворачиваешь голову влево – нет, не то! – снова покусываешь розовую плоть, скидываешь брови, смотришь вправо – опять не то! – биографии тебя не интересуют, но,

хвала небесам, ты не из тех, кто сразу бросается спрашивать. Ты проходишь вглубь и останавливаешься у полок с художественной прозой.

О да.

Успокоенный, я отворачиваюсь. Ты не из тех вездесущих закомплексованных нимф, которые покупают Фолкнера и потом, ни разу не открыв, годами держат его на прикроватной тумбочке лишь ради того, чтобы внушить случайным мужчинам, подцепленным на одну ночь, будто они не спят с кем попало и вообще не такие. Ты реально другая! Не выставляешь напоказ Фолкнера и не носишь джинсы в обтяжку. Для Стивена Кинга – слишком улыбчивая и загорелая, для Хайди Джулавиц – не слишком модная. За чем же ты пришла?

Чихаешь на весь магазин. Я представляю, как ты, должно быть, громко кончаешь, и кричу:

– Будьте здоровы!

Ты хихикаешь и кричишь в ответ, негодная, похотливая девчонка:

– Спасибо, приятель.

Приятель? Ты флиртуешь?! Если б я торчал в «Инстаграме», непременно запостил бы фоточку стеллажа, за которым ты скрылась, с подписью «Да, я нашел ее».

Стоп, Джо, спокойней. Они не любят, когда парни заводятся сразу. Хвала небесам, к кассе подваливает какой-то типчик с очередным Сэлинджером. Сколько ему? На вид около тридцати шести. И он собирается читать «Фрэнни и Зуи»? Seriously? Нет, какое там! Сэлинджером он прикрыл Дэна Брауна, лежащего снизу. Я давно работаю в книжном и привык, что люди стыдятся себя. Первым я прошу подать Дэна Брауна таким тоном, будто это детское порно, говорю, что «Фрэнни и Зуи» – охрененная книжка, типчик кивает, а ты все еще выбираешь: я вижу твой бежевый свитер за стеллажом. Если ты потянешься еще капельку выше, то оголится живот. Увы, ты берешь книгу со средней полки и садишься в проходе. Я представляю, что ты останешься здесь до закрытия, как Натали Портман в фильме «Там, где сердце» (снятом на удивление прилично по отстойному дамскому романчику). И найду тебя ночью среди книг. Только,

конечно, ты не будешь беременной, а я не буду увальнем. Я наклонюсь и скажу: «Извините, мисс, мы закрыты», а ты посмотришь на меня и улыбнешься: «А я не закрыта... Я распахнута настежь, приятель».

– Эй! – влезает типчик. Он еще не ушел? – Где мой чек?

– Извините.

Выхватывает бумажку с ненавистью, но не ко мне – к себе. Люби люди себя хоть чуточку больше, сфера обслуживания не была бы такой выгребной ямой.

– И не строй из себя умника! Ты просто продаешь книги. Не издаешь, не пишешь и даже не разбираешься в них как следует, иначе работал бы в каком-нибудь месте получше. Так что не ухмыляйся и пожелай мне хорошего дня!

Мне все равно, что он там лепит, этот тайный любитель конспирологического чтения. Но его слышишь ты. Ты как раз появляешься из прохода с милейшей улыбкой Натали Портман. Я смотрю на тебя. Ты смотришь на него, а он смотрит на меня, ожидая.

– Хорошего дня, сэр, – выцеживаю я с улыбочкой, и он еще больше ненавидит себя за то, что вспылит из-за такой ерунды.

Когда за ним закрывается дверь, я выкрикиваю, ведь ты слушаешь:

– Детективы – как раз твой уровень, придурок!

Ты улыбаешься, а я радуюсь, что сейчас утро: по утрам у нас всегда пусто – никто не помешает. Ты ставишь корзину с книгами на прилавок и с вызовом спрашиваешь:

– Меня тоже оцените?

– Ну и урод, да?!

– Может, просто не в духе.

Как мило! Стараешься разглядеть в людях лучшее. Ты мне подходишь.

– Если б не такие придурки, – начинаю я, хотя мне стоило бы заткнуться, и я хочу заткнуться, но не могу, – этот бестселлер давно уже отправился бы на свалку.

Ты смотришь на меня с интересом, а я хочу разузнать о тебе все, однако спросить не решаюсь, поэтому продолжаю нести чушь:

– Все мечтают стать лучше: скинуть пару килограмм, прочитать пару умных книг, сходить в музей, полюбить классическую музыку... А на деле хотят только жрать пончики, полистывать журналы и слушать попсу. А бумажные книги? Кому они нужны? Все читают с экрана. И знаешь почему?

Ты смеешься и мотаешь головой, хотя другая на твоём месте давно слилась бы, уткнувшись в телефон. А ты слушаешь меня! И ты красивая.

– И почему же?

– Я скажу почему. В Интернете теперь можно найти любую порнушку...

Черт! Я сказал «порнушка», вот идиот! Но ты все же слушаешь, что за умница!

– Больше не надо идти в прокат и мямлить, глядя в глаза консультанту, что любишь пожестче. Зрительный контакт – вот то, что не дает нам оскотиниться.

У тебя огромные миндалевидные глаза, и я не могу остановиться:

– То, что держит в узде.

На пальце у тебя нет обручального кольца, и я продолжаю:

– То, что делает нас людьми.

У тебя ангельское терпение, и мне надо бы замолчать, но я не в силах.

– Электронные книги сделали то же самое с чтением. Исчезла система сдержек и противовесов. Теперь можно не стесняясь прилюдно читать Дэна Брауна: все равно никто не видит обложки. Конец цивилизации! Но...

– Всегда есть какое-нибудь «но», – вставляешь ты с улыбкой. Готов поспорить, у тебя большая дружная семья, в которой все то и дело обнимаются и поют песни у костра.

– Но книжные магазины – ее последний оплот, ведь вся музыка и фильмы давно в Интернете. Больше нет видеосалонов с умниками-консультантами, которые цитируют Тарантино, фанатеют от Дарио Ардженто и обдают вселенским презрением любителей мелодрам с Мег Райан. Взаимодействие между покупателем и продавцом, сам акт покупки – главный механизм регулирования. Без него все развалится, это очевидно.

Не уверен, что тебе так же очевидно, как и мне; впрочем, ты не попросила меня заткнуться и даже кивнула.

– Музыкальные магазины были эквалайзером вкусов, а их продавцы с презрительным взглядом «Что это у вас? Тейлор Свифт?» – хранителями культуры. И не важно, что, приходя домой, они сами дрычали на эти поющие трусы.

Ты смеешься. Надо мной или вместе со мной?

– В общем... – начинаю я. Только скажи, и я замолкну.

– В общем... – повторяешь ты и ждешь, чтобы я продолжил.

– Пожалуй, только приходя в магазин, мы честны перед собой. Этот парень явился сюда не за Дэном Брауном. Или Сэлинджером. Он явился, чтобы исповедаться.

– А ты, значит, священник?

– Нет, я – церковь.

– Аминь.

Ты смотришь в свою корзину и, наверное, считаешь меня сумасшедшим. Я тоже заглядываю в корзину и вижу твой телефон. На стекле трещина. Желтый чехол. Похоже, ты из тех, кто ждет, пока гром не грянет. И лекарства, поди, начинаешь пить только на третий день простуды. Я беру твой телефон и пытаюсь пошутить:

– Стянула у того парня?

Ты выхватываешь его у меня из рук и краснеешь.

– Это мой. Я плохая мамочка...

Мамочка? Ах ты, негодница! Я люблю такие игры.

– Да брось.

На твоем лице улыбка, а под джемпером точно нет лифчика. Ты выкладываешь книги на прилавок, опускаешь корзину на пол и смотришь на меня так, будто боишься критики. Соски напряглись, ты даже не пытаешься их прикрыть. Замечаешь мармеладки рядом с кассой.

– Можно? – Протягиваешь руку.

– Конечно.

Я сглатываю и достаю первую книгу. «Невозможный отпуск» Сполдинга Грея.

– Интересный выбор. Обычно берут его монологи, а эту книгу редко – особенно симпатичные девушки без суицидальных замашек, как у автора.

– Просто иногда тянет на темную сторону.

– Это точно, – киваю я.

Будь мы подростками, я бы тебя поцеловал. К сожалению, между нами прилавок и мы уже слишком старые для детского безрассудства. А для взрослых ночных игр еще слишком светло: солнце так и шпарит в окна. Черт, разве в книжном не должен царить приятный полумрак?!

Не забыть: пусть мистер Муни закажет жалюзи. Шторы. Да что угодно.

Я беру вторую книгу. Один из моих любимых писателей! Пола Фокс, «Отчаянные характеры». Хороший знак. Впрочем, радоваться рано: вдруг ты пришла к этому автору не как положено, через эссе Джонатана Франзена, а потому что прочитала в каком-нибудь дурацком блоге, что Пола – биологическая бабушка Кортни Лав.

Ты достаешь кошелек и замечаешь:

– Пишет великолепно, только – удивительно! – про нее никто не знает, хотя Франзен и расхвалил ее как мог.

Хвала небесам! Я улыбаюсь.

– «Западное побережье».

Ты отводишь взгляд.

– Не бывала.

Я смотрю на тебя в упор, ты поднимаешь руки, сдаваясь.

– Не стреляй!

Хихикаешь, а я хочу, чтобы твои соски снова напряглись.

– «Западное побережье» обязательно прочту, а «Отчаянные характеры» уже, наверное, наизусть знаю. Это для друга.

– Ясно, – киваю я, а в мозгу загорается красная лампочка. Для друга!

– Только он ее, наверное, и не прочтет... Зато хоть лишний экземпляр продастся.

– Да.

Я готов набить морду этому уроду. Возможно, это твой брат, или отец, или сосед-гей, но ты назвала его другом. Я утыкаюсь в калькулятор.

– Тридцать один доллар пятьдесят один цент.

– Ого! Вот почему все переходят на электронные книги, – вздыхаешь ты, раскрываешь свой поросяче-розовый кошелек и вручаешь мне кредитку, хотя я вижу, что у тебя достаточно наличных. Значит, ты хочешь, чтобы я узнал твое имя. Намек понял. Выхватываю карточку. Молчание затягивается. Черт, почему я не поставил сегодня музыку? И в голову ничего не приходит. У тебя нет парня. Точно. Иначе б тебе не надо было покупать второй экземпляр Фокс, он мог бы взять твой.

– Пожалуйста. – Я протягиваю чек.

– Спасибо, – шепчешь ты. – У вас классный магазин.

Ставишь подпись. Твое имя – Джиневра Бек. Очень поэтично – ну у тебя родители и придурки... Джиневра! Seriously?

– Спасибо, Джиневра.

– Все зовут меня Бек. Джиневра – слишком длинно и вычурно.

– Ого, Бек, я представлял тебя гораздо брутальнее. Всегда хотел сказать, альбом «Митнайт вулчэрс» – просто чума.

Ты забираешь пакет с книжками, не отводя взгляда, потому что хочешь видеть, как я смотрю на тебя.

– Да-да, Голдберг.

Ты прочитала мое имя на бейджике.

– Все зовут меня Джо. Голдберг – слишком длинно и вычурно.

Мы смеемся. Я тебе тоже понравился, иначе ты не стала бы читать мое имя.

– Может, и «Западное побережье» прихватишь?

– Нет, берегу ее на потом, она у меня в отдельном списке – для дома престарелых.

– Что-то типа «успеть перед смертью»?

– Нет, совсем другое. Это не про то, чтобы хоть раз прыгнуть с парашютом или побывать в Нигерии, а скорее прочитать «Западное побережье», посмотреть «Криминальное чтиво», послушать последний альбом «Дафт панк»...

– Не могу представить тебя в доме престарелых.

Ты краснеешь. Точь-в-точь невинный поросенок из «Паутинки Шарлотты». Я окончательно влюбляюсь.

– Пожелаешь мне хорошего дня?

– Хорошего дня, Бек.

Улыбаешься.

– Спасибо, Джо.

Ты пришла сюда не за книгами, Бек. Ты называла меня по имени. Улыбалась, слушала, болтала. И расплатилась не наличными или дебетовой картой. На чеке осталась твоя подпись. Вот она, передо мной. Я прижимаю палец к еще влажным чернилам, и твое имя отпечатывается у меня на коже.

Я узнал об Эдварде Эстлине Каммингсе так же, как большинство моих наиболее чутких и умных сверстников: из самой романтической сцены в одном из самых романтических фильмов всех времен: «Ханна и ее сестры» Вуди Аллена, где ньюйоркец-интеллектуал Элиотт (в исполнении Майкла Кейна) признается в любви сестре своей жены (в исполнении Барбары Херши). Ему нельзя действовать в открытую, поэтому он караулит девушку и подстраивает случайную встречу на улице. Тонко, умно, романтично – ради любви можно потрудиться. Вместе они идут в книжный магазин – улавливаете параллель? – где он покупает ей книгу Э. Э. Каммингса и просит прочитать стихотворение на странице сто двенадцать.

Потом нам показывают, как она сидит одна у себя на кровати с книгой, а он стоит у себя в ванной и думает о ней. Мы слышим, как она читает. Моя любимая строчка: «Ни у кого, ни у дождя даже, нет таких маленьких рук».

Кроме тебя, Бек. За эти несколько дней я узнал все. Ты часто пускаешь в ход свои маленькие ручки, и это вновь напомнило мне о «Ханне и ее сестрах»: в одной из сцен Миа Фэрроу дразнит Вуди Аллена, что безудержная мастурбация его загубит. С тобой, я надеюсь, такого не случится.

Проблема лишь в том, что нас вряд ли поймут. Узнай кто-нибудь, что ты кончаешь по три раза за ночь в полном одиночестве, а я наблюдаю за тобой также в полном одиночестве, и меня сочтут извращенцем. Однако люди в большинстве своем – конченные идиоты, которые любят дешевые секреты и ни разу не слышали про Полу Фокс и «Ханну и ее сестер». Так что, Бек, к черту этих уродов, верно?

Мне нравится, что ты предпочитаешь справляться сама, а не наполняешь свой дом и вагину чередой убогих придурков. Ты – живое опровержение тошнотворной банальщины о засилье беспорядочных половых связей. У тебя есть принципы, и имя твоё – Джиневра. Ты ждешь того самого – Единственного. Готов спорить, так и говоришь про себя «Единственный», когда мечтаешь о нем. Обо мне. Люди нетерпеливы, они хотят все и сразу, а ты – с такими маленькими руками – готова ждать.

Да будет благословенно имя твое. На наше счастье, в мире оказалась не так уж много Джиневр Бек. Точнее, всего одна.

Первое, что я должен был выяснить, – откуда ты родом, и, хвала Интернету, теперь, Бек, я знаю о тебе все. Найти твой профиль в «Твиттере» не составило труда:

«Джиневра Бек

@TheUnRealBeck

Не держу невысказанных мыслей. Сочиняю истории. Читаю истории. Болтаю с незнакомцами. Нантакет[1 - Нантакет – остров в Атлантическом океане, расположен в 48,3 км к югу от м. Кейп-Код и в 24 км к востоку от о. Мартас-Винъярд. Входит в состав шт. Массачусетс.] – мой дом, Нью-Йорк – содом».

На других сайтах нашлись откровенные посты (или эссе, как ты их называешь) в блогах, недвусмысленные дневниковые записи (или рассказы) и пронзительные стихи.

Ты писательница. Родилась и выросла в Нантакете. Отпускаешь шуточки про островное кровосмешение (но сама к нему отношения не имеешь), мореплавание (хотя сама боишься кораблей) и героин (твой отец кололся). У тебя дружная семья, потому что все живут порознь. Тебе трудно приходится в городе, где никто никого не знает, хотя ты и переехала сюда уже четыре года назад, поступив в Брауновский университет. Была зачислена каким-то чудом из списка ожидания и сама до сих пор не веришь своей удаче. Любишь поленту и злаковые батончики со вкусом вишневого пирога. Не фотографируешь еду и концерты, но «Инстаграм» ведешь – выкладываешь старые снимки отца и свои детские фото. У тебя есть брат Клайд – ого, да твои родители точно чокнутые – и сестра Аня – нет, ну реально чокнутые, только немного иначе, чем я вначале предполагал. Согласно кадастровым записям, родительский дом всегда принадлежал твоей семье. Твои предки были фермерами, и ты любишь по случаю упомянуть, что они обжили Нантакет, а не просто осели в нем. Сплошные уточнения, предупреждения и оговорки, как на пачке сигарет, – многовато для профессионального литератора.

Аня живет на острове и никуда уезжать не собирается. Хочет только гулять по пляжу и наблюдать, как волны туристов со сменой сезонов то затопляют остров, то откатывают от него. Она совсем тронулась из-за отца. Ты постоянно пишешь о ней в своих рассказах, выставляя то мальчиком, то слепой старухой, то однажды потерявшейся белкой. Но меня не обманешь: ты думаешь о ней. Завидуешь ей. Жалеешь ее. И все потому, что у нее нет амбиций.

Клайд – из вас старший. К нему перешел семейный бизнес: островная служба такси. Он женат, имеет двоих детей и не колется, максимум покуривает. Это видно по его фотографии в местной газете: крепкий, загорелый среднестатистический американец, добровольный пожарный и добропорядочный гражданин. Родись ты первой, возможно, бизнес перешел бы к тебе. Однако все сложилось иначе. Ты – классический средний ребенок: хорошо училась в школе и с детства подавала большие надежды.

Все же Интернет – великое изобретение. Через час после нашего знакомства ты написала твит:

«Я пахну чизбургерами. #CornerBistro_меня_полнит».

И знаешь, на секунду я засомневался. А вдруг я тебя не зацепил? Ты ведь не написала обо мне, о нашем разговоре ни слова. И еще эта приписка в «Инстаграме» – «болтаю с незнакомцами». Неужели я для тебя никто, пустое место? Ты даже про книжный магазин не упомянула. Черт, подумал я, а вдруг мне просто показалось? И между нами ничего не произошло, никакой химии... Но потом, как следует изучив тебя, понял: ты никогда не пишешь о том, что действительно важно. Ты просто не хочешь делить меня со своими фолловерами. В Инете ты как на сцене, так что если молчишь, значит, бережешь. Значит, хочешь. И возможно, даже больше, чем я предполагаю, поскольку сейчас твоя маленькая ручка снова скользит вниз.

Твой адрес я тоже нашел в Интернете. И он меня поначалу, честно говоря, сильно озадачил. Дом пятьдесят один по Бэнк-стрит. Ты что, мать твою, издеваешься? Этот тихий район, прямо за Гудзоном, – квинтэссенция Нью-Йорка; там того и гляди наткнешься на Эдит Уортон под ручку с Труменом Капоте, переходящих улицу с кофе в бумажных стаканчиках, – румяненьких и живых, будто только вынутых из формалина. Там живут проститутки и умер Сид Вишес – давно, еще когда нынешние красотки плавали эмбрионами в околоплодных водах и Манхэттен был клевым местом. Но ты-то как туда попала? Я смотрю, как

ты перекладываешь быстрорастворимую овсянку в пластиковый контейнер, и приношу свои извинения: квартиру ты не насосала. Благословенный Интернет наставил меня на путь истинный. Вот твой твит:

«Я, конечно, не @AnnaKendrick47, однако повторю за ней: люблю вас, клевые чудилы из @BrownstoneBiasedLottery. До встречи, Бэнк-стрит».

Оказывается, ты выиграла конкурс эссе среди выпускников Брауновского университета, желающих продолжить обучение, но не имеющих своего жилья. Так что твоя нынешняя квартира тебе не принадлежит. Да и вообще немудрено, что ты туда просочилась: с почти магистерской степенью по литературе грех не выиграть литературный конкурс. А Анну Кендрик ты упомянула, потому что в фильме «Идеальный голос» она играла студентку, упорно добивающуюся победы на песенном состязании. И с какого-то хрена ты решила, что похожа на нее. Ничего подобного! Она очень простая, целеустремленная и сосредоточенная, а ты... Я смотрю на тебя. Ты мутная и погруженная в себя, как Миа Фэрроу в «Ребенке Розмари». Я смотрел фильм с Анной Кендрик: ее героиня ни за что не стала бы жить как ты. Твои окна всегда открыты. На них нет ни одной занавески. И твои богатенькие соседи наверняка знают, что ты разгуливаешь по дому голышом, питаешься полуфабрикатами и кричишь на весь дом, доводя себя до оргазма. Да какой из тебя писатель? Ты эксгибиционистка! Актриса.

Но пронюхай кто-нибудь, что я, капая слюной, исподтишка за тобой подглядываю, психом посчитали бы меня. Хотя это ты чокнутая. Только тебя, конечно, никто ненормальной не считает: твоя вагина интересуется всех соседей, а мое бренное тело вызывает лишь пренебрежительное отвращение. Я живу на шестом этаже в доме без лифта в трущобах Бруклина. Не собираюсь закладывать свои яйца ради учебы в каком-нибудь дерьмовом университете. Получаю серую зарплату и держу телик с антенной. Твои гребаные соседи на мой член даже смотреть не станут.

Я потягиваю кофе, выдыхаю и смотрю на тебя.

Ты как всегда на диване – то валяешься в одних хлопковых трусах, купленных на распродаже в интернет-магазине «Виктория's секрет» (я видел, как ты распаковывала посылку пару дней назад), то торчишь в телефоне (разыскиваешь красавчика из книжного магазина?), то пишешь (волосы собираешь в пучок, садишься прямо и начинаешь молотить по клавишам как

бешеная, пока не утыкаешься в ядовито-зеленую подушку, которую обычно подкладываешь под голову, когда засыпаешь). Спишь ты, кстати, тоже на этом диване, свернувшись, как зверек.

Теснота у тебя жуткая. Ты сама как-то написала в «Твиттере»:

«Живу в обувной коробке. Но поскольку я единственная девушка в мире, не помешанная на туфлях, места вполне хватает. @BrownstoneBiasedLottery

Моя кружка с логотипом университета больше моей университетской квартиры.

@BrownstoneBiasedLottery #недвижимость #NYC».

Кухню тебе заменяет шкафчик, на котором, как в каталоге, расставлена кухонная утварь. Ты ненавидишь эту тесноту (уж я-то знаю правду, спасибо «Твиттеру»). Ты выросла в огромном доме с лужайкой и задним двором и любишь простор. Вот почему окна у тебя всегда открыты. Ты просто боишься остаться наедине с собой.

По утрам твои соседи укатывают по делам на огромных шикарных машинах из своих огромных шикарных домов, ты же целыми днями гниешь в каморке, предназначенной для прислуги или для хозяйского пса с вывихнутой лапой. Впрочем, я тебя не виню. Вест-Виллидж – наш любимый район, и будь у меня возможность, я бы тоже там поселился, даже если б пришлось свихнуться от клаустрофобии. Ты все сделала верно, Бек. А вот твоя мать не права.

«Мама говорит, что нельзя жить в обувной коробке.

И это мне наказание за уродливую обувь.

@BrownstoneBiasedLottery #мамавсегдаправа».

Твиты ты пишешь чаще чем рассказы. Поэтому и магистерскую степень получаешь в Новой школе, а не в престижном Колумбийском университете, куда тебя не взяли.

«Отказ – блюдо, которое лучше подавать по почте. Так его хотя бы можно порвать и сжечь.

#не_взяли_в_Колумбийский_университет #жизньпродолжается».

Тут ты опять права. Новая школа хоть и попроще, зато с однокурсниками и преподавателями сложились нормальные отношения. Да и большинство семинаров проводят онлайн. Там вообще почти весь учебный процесс перенесен в Интернет, и, по-моему, это правильно: давно пора отказаться от устаревшей элитарной системы, которую называют «колледж». Учеба тебе дается легко; если б ты меньше сидела в «Твиттере» и щекотала свою киску... Хотя, честно говоря, Бек, на твоём месте я бы вообще никогда не одевался.

Ты любишь давать имена (интересно, какое ты придумала бы мне?) и даже запустила конкурс в «Твиттере» на лучшее имя для своей каморки.

Как тебе #квартирка_меньше_коробки?

Или #кабинка_для_просмотра_Идеального_голоса?

Или #чулан_с_ковриком_для_йоги_который_спутали_с_квартирой?

Или

#комната_где_выглядываешь_из_окна_в_майке_и_видишь_следающего_за_тобой_парня_

– Разрешите, приятель.

Мимо меня протискивается какой-то придурок, благоухающий, будто только что из душа. Сбежал из недописанного сценария Брета Истона Эллиса? Переходит дорогу, приглаживает волосы. По-хозяйски поднимается по твоим ступенькам и без стука заходит в дверь, которую ты заботливо распахиваешь перед ним. Ты затаскиваешь его внутрь и набрасываешься с поцелуями, не дожидаясь, когда захлопнется дверь. Запускаешь свои руки – такие маленькие руки – в его шевелюру, и вы на какое-то время пропадаете у меня из виду, а потом появляетесь в окне. Он садится на диван, ты стаскиваешь с себя майку, забираешься сверху и трешься об него, как стриптизерша. Так не годится, Бек. Он стаскивает с тебя хлопковые трусики и шлепает по задку, ты стонешь и

кричишь. Я перехожу улицу и останавливаюсь у соседней двери – я должен это слышать.

– Прости меня, папочка!

– Что ты сказала, негодница? Повтори.

– Прости меня!

– Ты плохо себя вела.

– Да, я плохая.

– Выпороть тебя?

– Да, выпори меня, папочка!

Ты берешь в рот. Он ворчит, а потом принимается тебя шлепать. Проходящий мимо Трумен Капоте заглядывает в окно, поднимает брови и отворачивается. И никто не заявит в полицию, потому что никто не признается, что смотрит в чужие окна. Это Бэнк-стрит, мать вашу. А ты тем временем уже трахаешь его. Я возвращаюсь на другую сторону улицы и даже оттуда вижу, что он занимается с тобой сексом, а не любовью. Ты заслуживаешь лучшего, Бек. Неужели тебя заводит, как он сжимает тебя большими слабыми руками, никогда не знавшими работы, и шлепает по заду, кончая, а потом отталкивает твои объятия и закуривает прямо в кровати, и ты молчишь, хотя сама не выносишь сигарет, и позволяешь ему стряхивать пепел в твою университетскую кружку – в ту самую, которая больше твоей квартиры? Ты смотришь «Идеальный голос», пока он курит, строчит сообщения в телефоне и отпихивает тебя, стоит к нему прижаться. Ты расстроена, и «ни у кого нет таких маленьких рук» – кроме тебя и меня. С чего я взял? Три месяца назад, еще до нашего знакомства, ты написала в «Твиттере»:

«Почему никто честно не признается, что узнал об #ээкамингс'е из фильма #Ханна_и_ее_сестры? Я буду первой #долойвранье #конецпритворства».

Видишь, сколько у нас общего.

Придурок с шевелюрой уходит – уходит без «Отчаянных характеров». Значит, ты покупала не ему. Я могу отправляться домой. Тебе надо принять душ.

3

До тебя была Кейденс, такая же несговорчивая. Но я упорный. Я не стану держать зла на тебя за то, что в твоём допотопном ноутбуке, вмещающем гребаные записи обо всем на свете, не нашлось места для меня. Я не идиот, Бек, и знаю, как шерстить жесткие диски: меня там точно нет. И еще я знаю, что дневник ты не ведешь и записные книжки не любишь.

Конечно, еще остается телефон – хоть какая-то надежда.

Не бойся, я не брошу тебя за то, что ты заходишь в раздел объявлений «Случайные связи» – именно так ты и нашла того волосатого извращенца. Он не твой парень, и это уже плюс. Минус, моя милая, в том, что, когда ты приглашаешь к себе в дом незнакомых любителей порки, твои шансы быть убитой экспоненциально возрастают.

Но что-то я отвлекся: сначала о Кейденс...

Чтобы подобраться к ней, мне пришлось подключить связи. Она играла на флейте в музыкальной группе вместе с братом и сестрой. Тебе понравилась бы их музыка – абсолютный неформат. В ротацию их, конечно, никогда не взяли бы, не загляни случайно на их концерт один модный персонаж, а так они засветились в отстойном тинейджерском шоу на телике.

Кейденс была лидером группы и самой симпатичной из всех. Ее братец – полный говнюк! – играл на барабанах, сестричка – ничего особенного, но талантливая.

Не так-то просто, знаешь, взять и подкатить к девушке после концерта, особенно если она играет заумную хрень в стиле эмбиент-техно-электро и ее психованный братец (кстати, полный ноль в музыке) все время трется поблизости. Надо было встретиться с ней один на один и как-то отвадить надоедливых родственников, путавшихся под ногами. Я заботился о ее благе:

с этими двумя нахлебниками ей ничего не светило в жизни.

И я кое-что придумал, как Эллиот из «Ханны и ее сестер». Через «Фейсбук» нашел знакомого, который работал в студии звукозаписи. Наплел, что переспал с Кейденс, пообещав подписать договор на пластинку, и попросил его скинуть ей по электронке мой телефон, что он и сделал. Единственная причина, оправдывающая существование таких дебилов, как тот урод со студии, – то, что иногда они помогают таким хорошим парням, как я, подкатывать к красивым девушкам.

Кейденс согласилась на встречу, посчитав меня скаутом студии. Я плел ей про студию и про то, что готов для нее сделать, и она захотела познакомиться со мной поближе. Знаешь, я даже почти не врал. Будь у меня диплом какого-нибудь вшивого гуманитарного университета, старомодные брюки и уверенность в том, что степень бакалавра искусств делает человека умнее, востребованнее и успешнее, я легко мог бы попасть на неоплачиваемую практику в дерьмовую студию звукозаписи и остаться там потом на дерьмовую работу. Но так уж вышло, что все это допотопное дерьмо не для меня. Я сам по себе. Отчасти поэтому у нас с Кейденс не срослось.

Однако я не жалею – потренировался.

Я понял, что нужно попасть к тебе в дом, Бек. Поэтому позвонил в газовую компанию и сообщил об утечке газа в твоей квартире. Я знал, что ты будешь на занятии по танцам, после которого всегда пьешь кофе с подружкой. Это единственное время, когда тебя гарантированно не бывает дома. Дождался газовщика и наврал ему, что я твой парень и ты попросила меня помочь.

По закону, газовая служба должна проверять все сообщения об утечках; по пацанскому закону, если ты вылетел из старшей школы, как я, то должен уметь находить язык с любыми представителями власти. Я был уверен, что он мне поверит и впустит. Или не поверит, но все равно впустит. В любом случае нельзя вызвать газовщика и не явиться. Seriously, Бек.

Он все осмотрел и отчалил. Первым делом я включаю твой комп и сажусь на диван, нюхаю зеленую подушку, пью воду из университетской чашки, предварительно отмыв ее от остатков пепла. Ты, Бек, совершенно не умеешь мыть посуду. Читаю рассказ «О чем думал Уайли, когда покупал свою “Киа” – про

старого чувака из Калифорнии, который покупает говенную импортную машину и понимает, что никакой уже не ковбой. Ирония тут в том, что он никогда настоящим ковбоем и не был – просто играл в вестернах, пока те не перестали снимать. В других жанрах чувак себя не нашел и коротал старость в местной кофейне, где вспоминал былые дни с такими же старперами. Перелом наступает, когда в их штате вводят запрет на курение в общественных местах, и старперам становится негде собираться. Заканчивается рассказ тем, что Уайли сидит в своей «Киа» и мучительно пытается вспомнить, как ее завести. Потом он понимает, что ехать ему некуда, и тогда покупает электронную сигарету и возвращается в кафе, где не осталось ни одного из его приятелей. Сидит в одиночестве и курит.

Я не умник с литературного семинара (знай, Бек, они не понимают ни тебя, ни твоих историй), но вижу, что ты тоскуешь по прошлому. Ты – дочь мертвеца. Понимаешь Полу Фокс. Пытаешься понять Дикий Запад, хотя живешь, пусть и временно, в Нью-Йорке. Ты сентиментальная: пишешь про старых актеров и хранишь фотоальбомы – горы старых фотографий. Ты романтичная: веришь в Кони-Айленд без наркодилеров и оберток от жвачки и в блаженную Калифорнию, где настоящие ковбои вместе с киношными травят байки над оловянными кружками с кофе. Ты мечтаешь попасть туда, куда попасть невозможно.

В туалете, сидя на унитазе, ты смотришь на фотографию Эйнштейна. Глядишь ему в глаза, тужась и напрягая кишки (обещаю, Бек, со мной ты забудешь о своих запорах: я отучу тебя есть замороженную дрянь и подкрашенную жижу из жестянок с надписью «суп»). Эйнштейн, как и ты, видел то, что другие не видят. За это он тебе и нравится. И еще за то, что он не имеет никакого отношения к литературе, – можно не бояться конкуренции.

Я включаю телевизор: «Идеальный голос» у тебя в избранном. Залезаю в «Фейсбук», нахожу фотки из колледжа. Теперь понятно, почему ты так любишь этот фильм – он максимально не похож на твою жизнь: ты не поешь а капелла, ничем особо не увлекаешься и еще не нашла настоящую любовь, зато регулярно напиваешься со своими лучшими подругами Чаной и Линн. Помимо этих двоих, на фотографиях мелькает еще и третья – длинная и тощая, на фоне которой вы смотрите карлицами. Хотя ее имя нигде не подписано, вас явно что-то связывает: ты гордишься этой дружбой. Дылда на всех фотографиях выглядит несчастной, даже когда изображает улыбку. Ее странная усмешка мне не нравится.

До меня у тебя было два парня. Первый, Чарли, выглядел так, будто никак не отойдет от рок-концерта Дейва Мэтьюса. С ним ты валялась на газонах и курила травку, но быстро сбежала из наркотического угара и угодила прямо в тощие руки богатенького панка Хешера.

Я его знаю (не лично, конечно): он автор графических романов. У нас в магазине продается парочка его книг, и в первую же смену я непременно соберу их и отнесу в подвал.

Хешер оказался таким скучным, что ему приходилось катать тебя по миру, чтобы удержать. Ты летала в Париж и в Рим (я за границей не был) и так и не нашла то, что искала в Хешере, ни в Париже, ни в Чарли, ни в Риме, ни в колледже. Чарли ты бросила ради Хешера – внезапно и беспощадно. Он так и не смог отойти и, похоже, до сих пор не просыхает, судя по фотографиям. Хешера ты боготворила, он же тебя ни в грош не ставил: ты то и дело нахваливала его в «Фейсбуке», он про тебя молчал, а когда ты изменила статус на «одинока», все подружки поставили лайки – явно чтобы поддержать брошенку.

«Идеальный голос» кончился, я выключаю телик и иду в спальню, ложусь в твою незаправленную кровать и слышу, как в двери поворачивается ключ. В голове проносятся слова домовладельца, жалующегося газовщику: «Опять протечка в этой душегубке».

Я слышу скрежет ключа и скрип открывающейся двери. Тыходишь в свою крохотную квартиру.

Черт, Бек, это и вправду обувная коробка.

Я обычно обхожу стороной бары Гринпойнта. Что за дурацкая мода – запивать виски рассолом? Но ради тебя, Бек, я пошел. Точно так же как ради тебя накануне расшиб спину, когда выпрыгивал из окна – ты не должна была меня видеть. И, честно говоря, я бы не хотел, чтобы ты видела меня здесь. Чего доброго, еще примешь за обсоска, который шляется по модным местам... Я не

ходил в университет, Бек, и мне не приходится лезть вон из кожи, чтобы хоть на один вечер вернуться в беззаботное прошлое. Мне хватает смелости жить здесь и сейчас. Да, я живу своей жизнью и с удовольствием заказал бы еще одну водку с содовой, но бармен в майке с портретом Чарльза Буковски снова начнет задавать глупые вопросы.

Настроение ни к черту. Ты на сцене в желтых чулках (с дырками) читаешь свой рассказ (чересчур старательно). Ты уже не похожа на наивного поросенка из «Паутинки Шарлотты», да и я сегодня не в ударе.

За соседним столом болтают без умолку твои подружки – в грубых ботинках, с пошлыми высветленными волосами по попсовой моде. Вы втроем вместе учились в университете, и теперь вместе переехали в Нью-Йорк, и вместе ругаете сериал «Девчонки», хотя он в общем-то про вас – Бруклин, парни и виски.

Однако сейчас ты сидишь не с ними, а с другими «писателями», поэтому подружки не стесняясь перемывают тебе кости. Вынужден с ними согласиться: быть писателем (принимать комплименты, пить виски) для тебя важнее, чем писать. К счастью, они все же не правы: присутствующие слишком переполнены рассолом, чтобы понять рассказ про ковбоя.

Твои подруги завистливы. Чана, как Адам Левин, только в женской реинкарнации, с глупым апломбом критикует всех подряд.

– Нет, ты объясни, на кой ей магистратура, если Лины Данэм из нее все равно не выйдет?

– Может, она в преподаватели пойдет? – заступается Линн.

Линн мертвая внутри, она и выглядит как труп. Постит в «Инстаграме» каждый свой шаг, будто готовит алиби, будто ей кому-то надо доказать, что она живет. Жалуется подруге, что ей надоели чтения в баре «У Лулу», и тут же постит твит #чтения_у_лулу. Точно тебе говорю, Бек, клянусь.

– Как думаешь, ограничатся одним разом, типа как выставку откроют, и всё, или будут проводить каждую неделю? – ноет Линн.

– Я же не устраиваю гребаные модные показы из-за каждого наряда! – взрывается Чана. – Один наряд сшила, перехожу к другому, и так далее, пока не будет готова коллекция.

– Пич придет?

– Еще не хватало!

Видимо, это они про ту не улыбочивую дылду.

– Черт, – никак не уймется Линн, – на открытии выставки хоть винишко бесплатное.

– На открытии выставки хотя бы есть искусство. А тут... Ковбой! Надо же такое придумать.

Линн пожимает плечами и выдает следующую пулеметную очередь:

– А ее наряд? Что скажешь?

– Вырядилась как дура. Смотреть грустно.

– Ужасные колготки, да?

Линн вздыхает, твиттит, вздыхает; ты прохаживаешься по залу, подружки взводят курки.

– Неудивительно, что ее не взяли в Колумбийский университет, – выдает Чана.

– Думаю, из-за Бенджи, – подхватывает Линн. – Жаль ее.

– Он наркоман.

– Может, врут? Нельзя закончить Йель, сидя на героине.

– Можно, – припечатывает Чана и с отвращением вздыхает.

Я слушаю в оцепенении, зубы мои стучат. Как можно было так ошибиться? В твоём компе этому Бенджи посвящены десятки страниц. Я принял его за вымышленного персонажа, а он оказался реальным... Плохо. Очень плохо.

– Все-таки жаль ее, – накручивает Линн. – Как можно сидеть на героине? Терпеть не могу шприцы.

– Брось, Линн. О чем ты? Бенджи даже с ручником справиться не может, не то что со шприцем. Он нюхает. – Чана фыркает и добавляет: – Бек сказала, что он прошел курс реабилитации и вернулся совсем другим человеком – теперь только содовая. Интересно, с чем: с травкой или с героином...

Линн пожимает плечами, а Чана не унимается:

– Ты же знаешь нашу Бек, любит использовать всякие красивые слова для вдохновения. Сорвись Бенджи, она будет только рада – появится о чем написать.

Линн на твоей стороне, она пищит как котенок:

– Мне ее жаль.

Чана наклоняется к микрофону на импровизированной сцене, где только что стояла ты, и выдыхает:

– Жаль ковбоев. Они заслуживают лучшего.

Наконец ты возвращаешься за столик к своим двуличным подругам. Они обнимают тебя, хлопают и рассыпаются в лживых похвалах. Ты налегаешь на виски так, будто каждая стопка приближает тебя к Нобелевской премии по литературе.

– Девочки, – выговариваешь ты заплетающимся языком (я и не заметил, как ты набралась), – комплиментов и коктейлей много не бывает!

Чана кладет ладонь тебе на руку.

– Коктейлей, пожалуй, на сегодня хватит.

Ты не слушаешь: твой новорожденный «шедевр» имел успех, и теперь у тебя послеродовая эйфория.

– Я в порядке.

Линн подзывает официантку.

– Еще три виски. Девушке надо снять стресс.

– Какой стресс, Линн? Я просто вышла и прочитала гребаный рассказ.

Чана чмокает тебя в лоб.

– Охренительно прочитала!

Ты не ведешься на дешевую лесть и отталкиваешь ее.

– Да пошли вы обе!

Ты очень пьяна, но я рад, что увидел тебя такой. Если собираешься любить человека, надо узнать его со всех сторон. Да и подружки твои теперь бесят меня гораздо меньше. Они переглядываются, ты высматриваешь кого-то в баре.

– Бенджи уже ушел?

– А он хотел прийти?

Ты вздыхаешь так, будто это не первый случай, и твоё терпение лопнуло. Хватаешься за телефон, однако Линн успевает раньше.

– Бек, нет! – возражает Линн.

– Отдай телефон.

– Бек, – вмешивается Чана, – ты пригласила, он не пришел. Все!

– Вы его ненавидите, – заводишься ты. – А вдруг с ним что-то случилось?

Линн отводит глаза, а Чана фыркает:

– А вдруг он просто... козел.

Линн бы замяла на этом разговор, точно. Уверен, из вас троих она единственная, кто в конце концов дезертирует из Нью-Йорка в какой-нибудь маленький незатейливый городок, где девушки пьют вино, в барах не проводят литературных чтений и по субботам из музыкального автомата орет «Марун 5». Нарождает там детей и будет фоткать их с таким же остервенением, с каким сейчас снимает стопки, пустые бокалы и туфли.

От Чаны так просто не отделаться.

– Бек, ты пойми, – не унимается она, – Бенджи – козел. Верно?

Я хочу заорать «ДА», но держу себя в руках.

– Некоторые мужики – козлы. Смирись. Хоть все книжки мира ему передари, он все равно останется Бенджи. Не Беном, не, прости господи, Бенджамином – просто Бенджи. Вечный инфантил. Так что шел бы он на хрен вместе с его гребаной содовой и дурацким именем. Как вообще можно так себя называть – Бенджи? Он еще и произносит это по-дурацки, на китайский или французский манер. Бен Джииниии...

Я слушаю очень внимательно. Противно, конечно, но что поделать: твое окружение надо изучить. Я заказываю еще водку с содовой. Бенджи...

Ты сидишь насупившись, скрестив руки. Официантка приносит выпивку, ты оживляешься.

– Как вам рассказ?

– Не знала, что ты интересуешься ковбоями, – мгновенно реагирует Линн.

– Я и не интересуюсь, – мрачно отвечаешь ты. Лица в полумраке не видно. Заглатываешь виски и запиваешь рассолом, подружки переглядываются.

– Обещай, что не будешь больше звонить этому уроду, – вмешивается Чана.

– Ладно.

Линн поднимает свою стопку, Чана поднимает свою, и ты поднимаешь – только уже пустую.

– За то, чтобы никогда больше не видеть этого козла с его содовой.

Вы чокаетесь. Я выхожу ждать тебя на улицу. Из бара выбегает какой-то придурок и блюет прямо на тротуар.

Рассол до добра не доводит.

5

Нас трое на платформе метро в Гринпойнте в 2.45 ночи. Мне не дают покоя твои развязавшиеся шнурки. Тянет наклониться их завязать, а потом отвести тебя за руку в безопасное место. Ты стоишь, привалившись к квадратной зеленой колонне у самых путей, твои сникеры на желтой ограничительной линии, у края платформы. Здесь полно места. Почему ты встала где опаснее всего? Хочешь, чтобы я защитил тебя?

В стороне на скамейке, на другой планете, сидит чокнутый бездомный и без конца во все горло распевает одни и те же строчки из старой песни:

Поезд, поезд номер ноль

На нью-йоркской окружной,

Если мой вагон отстал –

Хватай, хватай, хватай[2 - Строчки из песни The Choice Is Yours в исполнении хипхоп-группы «Блэк шип». Являются переделкой известной песни американского кантри-певца Роджера Миллера.].

Ты стеклянными глазами пялишься в телефон, пока городской сумасшедший трахает уши своим рэпом. Ты потихоньку сползаешь к краю платформы – сникеры у тебя старые, со стертыми протекторами. Меня бьет дрожь и все вокруг бесит. Нам с тобой не место в этой дыре, заваленной фантиками, пустыми жестянками и липкими жвачками. Твои приятели-интеллектуалы любят прокатиться на метро, воображая себя такими простыми, «настоящими», – только лучше б они держались отсюда подальше вместе со своим дешевым пивом и блевотиной, воняющей рассолом.

Твои ноги сползают. Опять.

Роняешь телефон – не на пути, на желтую линию. По спине у меня бегут мурашки, я мечтаю взять тебя за руку и отвести подальше. Ты слишком близка к краю, Бек. Тебе повезло, что я рядом: если вдруг оступишься или наткнешься на какого-нибудь извращенца, сама не выпутаешься. Ты пьяна в стельку. Шнурки развязаны. Насильник повалит тебя или прижмет к колонне, разорвет дырявые колготки, стащит хлопковые трусы из «Виктория'с сикрет», зажмет твой розовый ротик грязной потной лапой – и ты ничего не сможешь сделать, и жизнь твоя уже никогда не будет прежней. Ты станешь бояться подземки, сбежишь обратно в Нантакет, перестанешь искать парней в разделе случайных связей и каждый месяц будешь сдавать анализы на половые инфекции.

Тем временем бездомный успел уже два раза отлить, не затыкая свою шарманку и даже не вставая. Сидит, воняет и поет. И так и будет сидеть, вонять и петь, если тебя вдруг настигнет извращенец.

Ты соскальзываешь.

Опять.

Оглядываешься на бездомного, чертыхаешься... Он на другой планете, Бек. И он не виноват, что ты в говно.

Я уже говорил, как тебе повезло со мной? Я вырос в трущобах Бруклина, поэтому никогда не напиваюсь, собран, внимателен и хладнокровен. Идеальный защитник.

Причем заметь кто-нибудь, как я следую за тобой, меня приняли бы за извращенца. Мир несправедлив и полон идиотов.

Эллиот из «Ханны и ее сестер», подстраивающий встречу со свояченицей, кажется им чертовски романтичным, а я, жертвующий спиной ради того, чтобы узнать тебя получше, вызову лишь презрение. Мир перестал любить любовь, и я знаю, почему ты продолжаешь безуспешно терзать свой телефон. Там Бенджи, козел, не пришедший на твоё выступление, любитель содовой с пышной шевелюрой, с которым у тебя связь, только отнюдь не случайная, по крайней мере для тебя. Ты ищешь его. Хочешь его. Ничего, пройдет.

Возможно, прошло бы уже давно, если б не твой чертов телефон. Ты видишь, что все твои сообщения доставлены и просмотрены, но Бенджи молчит. Похоже, ему больше нравится отшивать тебя, чем трахать. Тебе это надо? И все же ты пялишься в телефон. К черту его, Бек! Не просирай свою жизнь, не трать слова, не мучай пальцы.

Подойти бы к тебе и кинуть телефон на пути, и сжимать тебя в объятиях, пока локомотив не разнесет его вдребезги. Теперь понятно, почему ты не меняешь расколотое стекло и оставляешь телефон где попало. Ты чувствуешь, что он гробит тебя, что без него будет лучше. Иначе обращалась бы бережней. Купила бы чехол. И не спускала бы туда свою жизнь. Твои друзья – просто записи в телефонной книге. Разве Линн и Чана позаботились о тебе? Проводили до дома? Нет. Тебе и самой наплевать на себя, потому что все мысли в телефоне.

Ты не такая, как они. Ты заботишься о своих близких, поскольку знаешь, что значит терять... Холодный сентябрь, пустынный пляж, твой отец, выпавшая из рук игла и доза, слишком большая доза для слишком маленького одинокого человека на песке. У тебя большое сердце, Бек, его не вместит ни один телефон. Брось эту дрянь на рельсы и посмотри вокруг, заметь наконец меня и скажи: «Мы встречались?» Я подыграю тебе, мы разговоримся, и нашей песней станет дурацкий рэп обоссанного бродяги.

– Пожалуйста, замолчите! – стонешь ты.

Чокнутый с другой планеты даже не слышит тебя.

Ты резко вскидываешь голову, теряешь равновесие и заваливаешься назад.

Все происходит мгновенно.

Тебя качает, телефон летит на желтую линию, ты наклоняешься за ним, спотыкаешься, наступаешь на чертов развязавшийся шнурок и летишь на пол, а потом скатываешься вниз с края платформы. Раздается визг. Я вижу все как в замедленной съемке, однако не успеваю и пальцем пошевелить. Теперь от тебя остался только голос, испуганный пронзительный крик, вплетающийся в монотонное пение бездомного. Саундтрек, не подходящий для идеального знакомства, да и спину ломит. Я бегу к путям и свешиваюсь вниз.

– ПОМОГИТЕ!

– Спокойно. Давай руку. Я тебя вытащу.

Ты лишь кричишь и смотришь на меня, как девушка из колодца в «Молчании ягнят». Чего ты боишься? Я же здесь, протягиваю тебе руку, хочу помочь. Ты трясешься от ужаса и не сводишь глаз с черной дыры тоннеля – а всего-то надо взять мою руку.

– Боже, мне конец...

– Не смотри туда! Смотри на меня.

– Мне конец.

Ты поднимаешься и собираешься куда-то идти.

– Стой! Еще шаг, и тебя убьет током!

– Что?

Твои зубы стучат.

– Успокойся. Дай мне руку.

– Он сводит меня с ума! – кричишь ты, закрывая уши. – Из-за него я упала.

– Я тебе помогу.

Ты замолкаешь, в ужасе оглядываешься на тоннель, потом на меня.

– Я слышу поезд.

– Нет, сначала ощущается вибрация. Дай руку!

– Я умру, – бормочешь ты в отчаянии.

– Руку!

Бродяга прибавляет громкости – видимо, мы ему мешаем. Ты визжишь и зажимаешь уши.

Я начинаю терять терпение, вот-вот придет поезд, и... Почему ты упираешься?

– Хочешь умереть? Если не выберешься, тебя размажет по рельсам. Дай руку!

Ты смотришь на меня, и я вижу, что часть тебя, незнакомая мне часть, и правда хочет умереть. Теперь ясно, что и любви-то ты, пожалуй, настоящей никогда не знала. Ты молчишь. И я молчу. Мы оба знаем, что ты проверяешь меня, проверяешь весь этот мир. Сегодня в баре ты не сошла со сцены, пока не затихли последние аплодисменты. Не завязала шнурки. Вiniшь бездомного в падении.

– Ладно. – Я стягиваю рубашку и свешиваю ее вниз. – Хватайся и вылезай.

– Не получится.

Будешь ли ты меня слушаться?.. Минуту молчишь и наконец уступаешь.

Подпрыгиваешь, хватаешься за рубашку, я ловлю тебя за руки и вытаскиваю

вместе с дырявыми колготками, развязанными сникерами и всем остальным на желтую ограничительную линию, перекаत्याю на грязный серый бетон. Ты дрожишь, обхватываешь колени руками и снова приваливаешься к зеленой колонне, только теперь с другой, безопасной, стороны. Но шнурки завязывать не собираешься. Тебя трясет. Я придвигаюсь ближе, показываю на нелепые неспортивные сникеры и спрашиваю:

– Можно?

Киваешь.

Крепко завязываю шнурки двойным узлом, как в детстве учила меня двоюродная сестра. Когда в тоннеле раздается гул приближающегося поезда, ты перестаешь дрожать и уже не выглядишь такой испуганной. И незачем говорить, что я спас тебе жизнь. Это и так видно по твоим глазам и грязной потной коже. Двери открываются, но мы не заходим. Естественно.

* * *

Таксист сначала не хочет нас брать. Я бы на его месте не взял. Близость смерти оставила отпечаток на наших лицах. Ты вся грязная. Я на контрасте с тобой неприлично чистый. Странная парочка.

– У меня... – Ты в сотый раз перебираешь произошедшее. – У меня и так был тяжелый день, а тут еще эта песня... Я, наверное, выглядела чокнутой.

– Сумасшедшей.

– Нельзя же мириться с таким безобразием. Надо было жестко сказать ему: «Хватит!» Лучше сдохнуть, чем жить в мире, где грязный бомж без конца распевает песни... загрязняя общественную среду.

Ты вздыхаешь, а я еще больше люблю тебя за то, что ты норовишь представить свой срыв как борьбу с бесхребетной толерантностью. И мне нравится играть с тобой.

– Ты здорово перебрала.

– Я и трезвой повела бы себя так же.

– А если б он пел Роджера Миллера?

Ты смеешься, хотя и не знаешь, кто это такой, – мало кто из нашего поколения знает. Смотришь на меня, щуришься, потираешь подбородок и спрашиваешь (это уже четвертая попытка – да-да, я считаю):

– Работал летом на пароме?

– Неа.

Ты уверена, что мы где-то раньше встречались. Уже были варианты: в колледже, в магистратуре, в баре в Уильямсберге – и теперь на пароме.

– Но я точно тебя знаю. Лицо знакомое!

Я пожимаю плечами, ты неводишь с меня глаз – так приятно.

– Это из-за стресса: просто я в нужный момент оказался рядом.

– Да, рядом... Повезло мне!

Не стоило отворачиваться на этих словах, и в голову ничего не идет, и водитель, как назло, неболтливый попался.

– Что ты в метро-то делал?

– Ехал с работы.

– Ты бармен?

– Типа того.

– Прикольно. Болтаешь с посетителями, слушаешь всякие истории...

– Ага, – бормочу я и вовремя спохватываюсь, чтобы не ляпнуть: «А ты пишешь истории».

– Расскажи что-нибудь интересное.

– Интересное?

Ты киваешь, а я хочу тебя поцеловать. Хочу пустить свой «поезд номер ноль» по твоим рельсам, проглотить тебя целиком, хочу трахать тебя, пока мрак нью-йоркской окружной не поглотит нас обоих. Внутри слишком жарко, снаружи слишком холодно. Пахнет уличной едой и минетом. За окном ночь и Нью-Йорк. Единственное, что я хочу сказать, – «люблю тебя», поэтому молчу и тру подбородок.

– Ну даже не знаю, трудно выбрать...

– Слушай, – перебиваешь ты, сглатываешь, кусаешь губу, краснеешь. – Только не пугайся и не считай меня психопаткой, но я соврала... Я помню, где мы встречались.

– Да?

– В книжном магазине.

Ты улыбаешься той самой улыбкой, как у Натали Портман, а я делаю вид, что не помню.

– Мы говорили про Дэна Брауна.

– Про него только ленивый не говорит.

– Про Полу Фокс, – продолжаешь ты, трогая меня за руку.

– А-а-а, – сдаюсь я, – помню, Пола Фокс и Сполдинг Грей.

Ты хлопаешь в ладоши и чуть не кидаешься меня целовать, но спохватываешься, отодвигаешься и скрещиваешь ноги.

– Думаешь, я маньячка? У тебя, наверное, в день перед глазами по полсотни девушек проходит.

– Нет, что ты!

– Спасибо.

– За смену я болтаю как минимум с семьюдесятью девушками.

– Ого!.. Ты ведь не считаешь меня навязчивой психопаткой?

– Нет, конечно.

В школе учитель биологии говорил нам, что не стоит смотреть в глаза человеку дольше десяти секунд подряд, если не хочешь его напугать или соблазнить. Я смотрю и считаю – думаю, ты догадаешься, чего я хочу.

– А в каком баре ты работаешь? Зайду как-нибудь к тебе выпить.

Я не стану осуждать тебя за меркантильность. Хочешь отправить меня во френдзону, чтобы я таскал тебе книжки и угощал виски с рассолом?

– Просто друга подменял. Так-то я в книжном работаю.

– Бар и книжный... Круто!

Водитель заруливает на парковку в Вест-Виллидж.

– Ты здесь живешь? – спрашиваю я, и тебе нравится мой восхищенный тон.

– Ну да. Там, за углом.

– Бэнк-стрит. Не хило.

– Я наследница.

– Чья?

– Английских лордов.

Дерзишь, другая стала бы выкручиваться.

Машина останавливается, ты копаешься в сумочке в поисках телефона. Он лежит на сиденье между нами, почти вплотную ко мне.

– Вечно куда-то пропадает...

Вдруг – стук снаружи. Я вздрагиваю. Какой-то придурок ломится в машину. Бенджи! Ты перегибаешься через меня и открываешь окно. Я чувствую твой запах. Рассол и сиськи.

– Бенджи, это мой спаситель!

– Молодец, чувак. Гребаный Гринпойнт. Вечно там что-то случается.

Он поднимает ладонь, чтобы дать «пять», я подставляю руку, ты ускользаешь от меня, и все идет к черту.

– Я, похоже, потеряла телефон.

– Опять?! – цедит Бенджи, отходит от машины и закуривает, ты вздыхаешь.

– Не думай, он не бездушная скотина, просто... я действительно все время его теряю.

– Дай мне свой номер. На случай, если телефон все-таки найдется.

– Ну да, – киваешь ты, отодвигаешься от меня и чего-то ждешь. – Записывать будешь?

Конечно, буду, но... не могу. Я уже сунул твой телефон себе в карман, туда, где лежит мой. На ощупь я их не различу. Получится некрасиво, если я вдруг вытащу твой вместо своего.

– Сколько тебя ждать? – кричит Бенджи.

Ты вздыхаешь:

– Спасибо огромное.

– Обращайся.

Наше первое свидание закончилось. Ты поднимаешься по ступеням и идешь трахать этого волосатого козла. Плевать. Наши телефоны вместе; и ты знаешь, что я знаю, где ты живешь; и я знаю, что ты знаешь, где меня найти.

6

Мысли скачут как бешеные (ты, я, твои колготки, телефон, Бенджи). В таком состоянии мне только одна дорога – в магазин. Добираюсь пешком, открываю дверь и спускаюсь в звукоизолированный подвал. И лишь там, в нашем прекрасном логове – в нашей клетке, – на мое лицо возвращается улыбка.

Хотя, знаешь, Бек, «клетка» – не совсем подходящее слово. Она гигантская, размером почти с верхний торговый зал художественной литературы. И ни капли не похожа на грубые металлические клетушки вроде тех, что бывают в тюрьмах или зверинцах, а скорее напоминает часовню. Не удивлюсь, если выяснится, что к ее созданию приложил руку Фрэнк Ллойд Райт[3 - Фрэнк Ллойд Райт (1867–1959) – американский архитектор, создавший «органическую архитектуру» и пропагандировавший открытый план.]. Под потолком – массивные балки из полированного красного дерева, стены – из прочного, дышащего акрила. Она загадочна и таинственна, Бек, сама увидишь. Когда коллекционеры, не торгуясь, выписывают внушительные чеки за старые книги, сдается мне, это она на них так действует. Здесь все продумано. Есть даже уборная, крошечный закуток с крошечным унитазом, – мистер Муни не любит

затруднять себя лишней беготней ради «банального акта дефекации». Книги хранятся на самом верху – без лестницы не достать (да и с лестницей непросто – удачи вам, воры). В передней стенке есть выдвижной ящик вроде тех, что делают на заправках в неблагополучных районах. Я отпираю дверь и вхожу внутрь. Поднимаю глаза на книги, улыбаюсь и говорю: «Привет, ребята».

Разуваюсь, ложусь на скамью, закидываю руки за голову и начинаю рассказывать книгам о тебе. И они слушают, Бек. Закрываю глаза (надо поспать) и вспоминаю день, когда здесь появилась клетка. Как ни странно, все, что с ней связано, я помню очень четко. Возможно, дело в тишине. Не знаю. Мне тогда было пятнадцать, и я уже пару месяцев работал на мистера Муни. В тот день он попросил меня прийти ровно в восемь, чтобы встретить грузовик, но лентяи из службы доставки явились только к десяти. Подъехав, водитель принялся бибикать и махать, чтобы мы вышли, а потом заорал, не заглушая мотор: «Книжный магазин Муни?»

Мистер Муни посмотрел на меня, и взгляд его был полон презрения к филистерам, не желающим утруждать себя чтением вывесок.

– Вы привезли мою клетку? – спросил он вместо ответа.

Водитель сплюнул.

– Мы не сможем затащить ее в магазин даже в разобранном виде. Балки по четыре с лишним метра, и стены широченные – в дверь не пролезут.

– У дверей открыты обе створки, – возразил мистер Муни. – И во времени мы вас не ограничиваем.

– При чем тут время. – Водитель фыркнул и покосился на сидящего рядом с ним напарника: мы им явно не нравились. – Такие штуки обычно ставят на задних дворах или в особняках – там, где есть большое открытое пространство.

– Наш подвал достаточно большой и просторный, – парировал мистер Муни.

– Вы хотите, чтобы мы тащили эту херь в подвал?!

– Не выражайтесь при мальчике.

Рабочим пришлось сделать не меньше двух десятков ходок, чтобы выгрузить и спустить вниз все балки и стены. Мистер Муни сказал, что нечего их жалеть и помогать им незачем.

– Это их работа. Труд облагораживает, Джозеф. Просто смотри.

И я смотрел. И не мог понять, что же получится в итоге, если вообще получится. Не мог представить, как им удастся совместить массивные темные балки с невесомыми современными прозрачными стенами. Наконец мистер Муни позвал меня вниз, и я онемел от восторга. Даже рабочие, казалось, были под впечатлением.

– Какая громадная, – восхищенно протянул потный водитель. – Какаду держите? Охрененные птицы! Говорящие!

Мистер Муни ничего не ответил. Я тоже промолчал.

– Полки только у вас слишком высоко, – не унимался водитель. – Может, спустить пониже? Обычно клиенты просят установить их где-то посередине.

– У нас с мальчиком много работы, – откликнулся мистер Муни.

Водитель кивнул.

– Сюда влезет хренова прорва птиц, простите мой французский.

Когда рабочие уехали, мистер Муни запер магазин и заявил, что эти «тупые пролетарии» ничуть не лучше «богатых садистов».

– Хуже крохотных, тесных клеток, где даже крыльев не расправить, только огромные клетки, где птице кажется, будто она может летать. Нельзя запереть здесь живое существо и считать себя гуманистом.

Наша клетка предназначалась для книг. Мистер Муни не шутил: у нас и вправду было много работы. Я помогал ему одевать книги в специально изготовленные

акриловые чехлы – «аккуратнее, Джозеф», – паковать их в акриловые ящики с вентиляционными отверстиями – «аккуратнее, Джозеф», – затем в металлические ящики с ярлыками и замками, – «аккуратнее, Джозеф». Когда у нас набиралось около десяти ящиков, мистер Муни карабкался по лестнице на самый верх, и я подавал им ему один за другим – «аккуратнее, Джозеф», – а он расставлял их на «чертовски высоких» полках. Я спросил, к чему столько забот, ведь книги не птицы, они не улетят.

На следующий день он принес мне матрешку.

– Открывай, только аккуратно, Джозеф.

Я открыл первую куклу и вынул следующую, потом снова открыл и вынул, и так до тех пор, пока у меня в руках не осталась последняя, самая маленькая.

– Все ценное нужно прятать, – сказал мистер Муни, – если не хочешь его потерять.

Теперь я открыл тебя, а ты прекраснее, чем кукла. Тебе точно здесь понравится, Бек. Убежище для бесценных книг, для твоих любимых авторов. Ты придешь в восторг от меня, их хранителя, и я покажу тебе пульт управления кондиционерами и увлажнителями. Я здесь всесилен: захочу – и испепелю все книги, превращу в пыль и плесень, уничтожу одним мановением руки. Если есть на земле девушка, способная по достоинству оценить мою власть, то это ты, в своих нелепых драных колготках, с мечтой написать что-нибудь стоящее для этого монументального хранилища. Ты с готовностью стянешь трусики, чтобы попасть сюда и остаться здесь навеки.

Я спускаю штаны и кончаю так бурно, что на мгновение глохну.

Черт! Ты чудо как хороша! Я пытаюсь встать, да голова кружится. Аккуратнее, Джозеф...

Скоро открытие. Иду наверх. Мистер Муни давно отошел от дел и уже не стоит за прилавком; теперь в магазине вместе со мной работает еще один парень – Кёртис, старшеклассник, такой же, каким был когда-то я. И глупости совершает те же, что и я в его годы. Когда мне было шестнадцать, мистер Муни дал мне ключ, и, естественно, однажды вечером я забыл запереть клетку.

– Ты оплошал, Джозеф, – сказал старик Муни (тогда он, конечно, был моложе, но все равно казался стариком, и возраст здесь ни при чем). – Ты подвел меня. Подвел книги.

– Извините, – попытался оправдаться я, – дома мы никогда не запираем шкафы и двери.

– Все потому что твой отец – свинья, Джозеф. Ты тоже свинья?

Я сказал, что нет.

Через несколько дней я пробрался в клетку и стащил из запертого ящика первое издание «Фрэнни и Зуи» с автографом автора. Я решил любить эту книгу больше, чем «Над пропастью во ржи», просто чтобы не быть как все. И я любил ее, Бек. Временами специально открывал первую страницу, только чтобы потрогать подпись Сэлинджера. Любому другому пришлось бы заплатить за это тысячу двести пятьдесят долларов. А я ничего не платил. Как не заплатила и тетка, стянувшая мою любовь со стола на кассе.

Я ее на всю жизнь запомнил: рыжие волосы, цветастый шарф, хорошо за тридцать, рассчиталась наличными. Я пообещал мистеру Муни, что найду эту гадину и все отработаю. Даже прогуливал школу, прочесывая улицы. Но когда не знаешь имени и адреса, трудно найти женщину в Нью-Йорке. Мистер Муни приказал мне идти в клетку и закрыть глаза. Я здорово струсил. А когда услышал, как поворачивается ключ в замке, понял, что попал.

Лестницы внутри не было – до книг я добраться не мог: нельзя прийти в Лувр и чмокнуть Мону Лизу. Телефона тоже не было, как и солнечного света, и ночной тьмы. А были лишь собственные мысли, гудение кондиционера и кусок холодной пиццы с таким же холодным кофе раз в день (пар от горячего вреден для старых книг). Я потерял счет дням и ночам. Мистер Муни хотел, чтобы я усвоил урок. И я его усвоил.

Выпустил он меня 14 сентября 2001 года, через три дня после падения башен-близнецов. Я вернулся в совершенно другой мир. Мистер Муни сказал, что отец уверен, будто я погиб.

– Ты свободен, Джозеф, – сказал мистер Муни. – Будь умницей.

Домой я возвращаться не стал. С утра до ночи искал воровку. В те дни все кого-то искали. Город был переполнен объявлениями о пропавших без вести. Я даже подумывал научиться рисовать и оклеить окрестности портретом той гадины. Можно было притвориться, что она моя мать. Конечно, я так никого и не нашел и решил, что она погибла под завалами. Карма. Правда, временами мне кажется, что всё с ней в порядке и она живет себе где-нибудь и читает мою книгу.

Когда звенит дверной колокольчик, я расставляю книги на полках. И жду тебя. Ты написала своим подружкам, что собираешь зайти прямо с утра. Твой телефон у меня, и ты не из тех, кто устанавливает четырехзначный пароль или блокирует доступ при потере. Я просмотрел все сообщения в электронной почте и не забыл пометить новые как непрочитанные. Обожаю Wi-Fi, обожаю технологии. Мне даже не надо выглядывать из-за стеллажа, я знаю, что там – ты. Спасибо твоему телефону, Бек. Я прочитал не только свежие сообщения, но и архив. Оказывается, эсэмэскам ты предпочитаешь электронную почту, потому что «письма можно хранить сколько угодно, можно задать поиск по любому слову и увидеть, кому, когда писала его и зачем». Подружки смирились с этой твоей причудой (какие умнички!). Теперь я и вправду знаю о тебе всё. Я переполнен тобой: твоими сообщениями, планами в календаре, неопубликованными личными заметками, рецептами и занятиями. Недостатков у тебя много, но они исправимы. Обещаю, ты тоже скоро узнаешь меня поближе. Прямо сегодня. Ты уже здесь.

– Сейчас иду! – кричу я, будто не знаю, что там ты. Поднимаюсь по лестнке на самый верх и смотрю на тебя поверх стеллажа. Ты в клетчатом свитере и в гольфах. Специально для меня наряжалась, точно. В руке – розовый пакет.

– Поезд, поезд номер ноль, – напеваю я, ты смеешься. Я умею произвести впечатление, когда есть время подготовиться. – Как дела?

Спускаюсь, чтобы обнять тебя, и ты не отстраняешься. Мы отлично подходим друг другу. Ты прижимаешься ко мне, и я могу задушить тебя в своих объятиях или держать так всю жизнь, но предусмотрительно отстраняюсь первым. Современные девицы, чьи основные инстинкты задавлены журналами и телевизором, не способны сразу оценить сильные чувства.

– Я кое-что тебе принесла, – воркуешь ты.

– Нет...

– Да.

– Не стоило.

– Стоило! Ты меня спас.

Мы идем к кассе, и я знаю почему. Ты хочешь меня. Прямо здесь. Если б мы остались среди книг, я прижал бы тебя к стеллажу и подарил бы свой подарок. Захожу за прилавок и сажусь, как планировал: откидываюсь на спинку, руки за голову, ноги на стол. Синяя футболка слегка приподнимается, обнажая узкую полоску мышц (чтобы тебе было о чем помечтать).

– Показывай, что там у тебя, малышка.

Ты кладешь пакет на прилавок. Я опускаю ноги и наклоняюсь вперед, почти касаясь тебя, чтобы ты почувствовала мой парфюм. Он тебе точно понравится: вы с Чаной с ума сходили по одному бармену, который пользовался таким. Я купил его специально для тебя.

Открываю подарок – твой подарок мне. Это «Код да Винчи» на итальянском. Ты хлопаешь и смеешься. Мне нравится твой восторг. Он гораздо органичнее, чем твои рассказы. Ты – не писательница. Ты – дарительница.

– Открой!

– Я не знаю итальянского.

– Кое-что ты сможешь прочитать.

Принимаюсь листать. Ты рассчитывала не на это – выхватываешь книгу и роняешь на прилавок.

– В начале!

Открываю.

– А!

– Читай!

Вот твой подарок – на форзаце черной ручкой:

Поезд, поезд номер ноль

На нью-йоркской окружной,

Если пьяная девица свалится на рельсы –

Хватай, хватай, хватай.

Читаю вслух. Ты сама просишь тебя «хватать» – вот оно, доказательство, черным по белому, с подписью (значит, можно, не опасаясь, назвать тебя по имени).

– Спасибо, Джиневра.

– Мое имя – Бек.

Я поднимаю книгу.

– Джиневра тоже.

Ты сдаешься, киваешь.

– Если хочешь, пожалуйста...

Бейджик остался внизу. Ты делаешь вид, что не помнишь моего имени, я подыгрываю:

– Джо. Голдберг.

– Пожалуйста, Джо Голдберг. Глупо как-то: пришла тебя благодарить, а сама говорю «пожалуйста»...

– Знаешь, – начинаю я, как репетировал, – раз уж мы живы и здоровы, и никто не распевает дурацких песен, и ты принесла мне охрененный подарок – правда, крутой, потому что чего-чего, а Дэна Брауна на итальянском у нас здесь точно нет...

– Я заметила, – киваешь ты, подмигиваешь и слегка наклоняешься ближе.

Поглубже вдыхаю: пришло время сделать шаг.

– Давай сходим куда-нибудь.

– С радостью, – откликаешься ты. Скрещиваешь руки, в глаза не смотришь, время и место не предлагаешь.

Все становится ясно, будто фотография проявляется в темной комнате: ты не написала свой номер в книге, подарила автора, про которого мы шутили, а не того, которого оба ценим, и на шее у тебя, похоже, засос, пусть и крошечный, но все же. Бенджи ты купила Полу Фокс, мне – Дэна Брауна.

– Просто, – бормочешь ты, – я так и не нашла телефон, и новый еще не купила. Сложно что-то планировать.

– Понятно.

Я утыкаюсь в компьютер и начинаю анализировать: ты много писала подружкам про то, как я спас тебя, и ни слова про то, как ты запала на меня и как делала вид, будто не можешь вспомнить, где мы встречались. Не рассказывала Линн и Чане, как мечтала обо мне, обнимая ядовито-зеленую подушку, какой взволнованной и смущенной выглядела в такси. А ведь ты так была поглощена мной, что даже потеряла телефон, Бек. Помнишь?

Молчание затягивается, надо что-то сказать.

– Значит, не нашла телефон?

– Нет. Наверное, оставила в метро.

– В машине он был при тебе.

– Точно! Но кто запоминает название перевозчика?

«Премьер-такси Нижнего Манхэттена».

– Никто, – киваю я.

Ты просишь ручку, берешь с прилавка закладку, переворачиваешь и пишешь свой адрес электронной почты, который я и так знаю.

– У меня, конечно, куча дел по учебе и вообще, но ты пиши, договоримся.

– Вообще-то эти закладки только для покупателей.

Ты смеешься, и видно, что тебе неловко без телефона, в который можно уткнуться. Оглядываешься, ожидая разрешения уйти. Тебе и вправду нужен папочка, Бек.

– Увы, книги сами не продадутся – мне работать надо, – помогаю я тебе.

Ты облегченно улыбаешься.

– Спасибо.

– Обращайся, – отвечаю я, как и планировал. Ты не говоришь «до свидания», а я не желаю тебе хорошего дня. Нам ни к чему шаблонные любезности.

У меня есть твой адрес, осталось только выбрать подходящую заготовку. Я знал, что ты придешь и оставишь его, поэтому набросал несколько вариантов первого письма. Я писал всю ночь, Бек. Как ты. В маленькой тесной клетушке, Бек.

Открываю Дэна Брауна и кладу закладку. Они идеально подходят друг другу.

7

Принс – величайший поэт современности, это очевидно. Да-да, не автор песен, а именно поэт. Прямой преемник Э. Э. Каммингса. Но книги его стихов продаются плохо – люди глупы.

«Прошло семь часов и шестнадцать дней с тех пор, как ты отняла у меня свою любовь»[4 - Первая строчка песни Nothing Compares 2 U, написанной американским певцом Принсом для ирландской певицы Шинед О’Коннор.].

Гениальная строчка. Обыватель никогда так не скажет: сначала часы, а потом дни. Поэт – другое дело. Он меняет мир «такими маленькими руками».

Ты не удосужилась мне ответить. Переслала мое письмо Линн и Чане, поржала с ними над общими снимками из фотобудки, отправила кучу идиотских писем ни о чем, прочитала и откомментировала короткие рассказы своих сокурсников, написала руководству книжной сети WORD в Бруклине с просьбой выступить у них на площадке, но так и не нашла время ответить парню, спасшему тебе жизнь. Снова липнешь к Бенджи. С тех пор как я отправил тебе письмо, еще не прошло «семи часов и шестнадцати дней», однако ты молчишь. И это уже серьезно.

Ты написала Чане и Линн:

«Оказывается, я классическая тупая телка, которая встречает хорошего парня и такая: “Ой, спасибо, не надо, заберите”. Как так-то? Я же не читаю “Космо”, не сижу на диетах и не заваливаю “Инстаграм” селфи. Я не такая! Бенджи женат на своем бизнесе, а этот парень работает на дядю и доволен. Встречаемся в пятницу в баре на крыше?»

Чана ответила первой: «Ты про парня из бара KGB? Да, давайте на крыше».

Бек, ты ведешь слишком рассеянную жизнь. В ней слишком много случайных парней, слишком много случайных ненужных связей.

Линн написала: «В кампусе должен быть психотерапевт. С ним посоветуйся ? Парень из KGB – просто лапочка. Можно на крышу. Или махнем в Верхний Ист-Сайд? Для разнообразия».

Подруги ничего не знают про нас: ни про Дэна Брауна на итальянском, ни про твои чувства. Ты не стала их посвящать. И вот через пять часов и восемь дней, посреди ночи, ты пишешь мне:

«Могу в четверг».

Жду три часа и один день и отвечаю:

«Хорошо. Где?»

Большого ты не заслуживаешь. Снова молчишь, а потом через четыре минуты, три часа и три дня присылаешь мне такую хрень:

«Прости-прости! Никогда не поступай в магистратуру! Это дурдом. Может, на следующей неделе?»

В душе я поэт, как Принс, и умею менять перспективу. Заполучить тебя пока не удастся, это факт. Ты ведешь слишком рассеянную жизнь, теряешь телефоны, не прочь приложиться к бутылке, оправдываешься месячными, когда не успеваешь сдать учебные работы, переписываешься как минимум с девятью парнями на девяти сайтах, и в твоих письмах порой больше творческой самобытности, чем в рассказах. Ты флиртуешь. Со всем, что движется. У тебя куча мусора в корзине интернет-магазина одежды. Господи, Бек, пора уже научиться принимать взвешенные решения! Я все понял: ты больна. Больна, как твой отец. Ты подсела на Бенджи. И я не смогу тебе помочь, пока все про него не узнаю.

Тридцать пять секунд – и готово. Твой волосатый козел у меня как на ладони.

Бенджамин «Бенджи» Бэрд Кийес III. Seriously? Проходил реабилитацию. Интересно: после чего? Колоться он не умеет. Владеет компанией по производству органической содовой, символизирующей полную фигню нашего времени. Продукция называется «Домашняя содовая» и позиционируется на рынке как элитная, потому что «дом – самое эксклюзивное место на земле: в любой, даже закрытый, клуб можно купить билет, а в дом – нет».

Бек, только не говори, что ты веришь во все это. Бенджи решил примазаться к моде на натуральные продукты и даже разместил на своем хорошеньком сайте диатрибу на концерн «Монсанто» – будто его родители не получали с него дивиденды, будто сам он не вырос на его продукции, будто отец его в молодости не работал на «Нестле».

Из «фоторепортажа» (или, как нормальные люди говорят, слайд-шоу) я узнал, что идея этого чудесного бизнеса пришла в волосатую голову Бенджи, когда он «жил с друзьями на природе в Нантакете». Но Нантакет – не Нью-Гемпшир, и отдыхали они явно не в палатках, а в загородном доме. Увеличиваю фото и вижу неподписанную дылду из твоего «Фейсбука». Ага! Тут у нее нормальная улыбка – среди богатеньких друзей. Все сходится, Бек. Теперь понятно, почему ты за него цепляешься. Ты – бедная аборигенка, он – богатый турист. Пользует тебя по случаю. Ты для него – курортная интрижка; кончится лето – кончится любовь. Он для тебя – вечно занятый папочка, и ты из кожи вон лезешь, чтобы угодить ему, но все впустую: он бросит тебя, несмотря на самые чудесные старания и минеты.

Ты преданно ждешь его, а он просто арендует тебя точно так же, как арендует лофт в Южном Бронксе, черном районе, откуда надеется вскоре свалить. Он врет тебя, Бек. Постоянно. Бегаёт за какой-то художницей-акционисткой, которая трахает ему мозг точно так же, как он трахает тебя.

Твое следующее сообщение пришло через шесть минут, три часа и один день:

«Я в Гринпойнте. Ты сегодня не в баре?»

Отвечаю:

«Нет, но можем пересечься “У Лулу”».

Ты:

«СУПЕР! Прости за капслок. Жутко рада!»

Я жду двенадцать секунд, девять минут и ноль часов и пишу:

«Ахаха. Уже еду. В 17?»

Ты не отвечаешь. До Гринпойнта мне добираться на метро с пересадкой. В голове крутится саундтрек из «Ханны и ее сестер» – все песни сразу и так громко, что я даже не могу слушать музыку у себя на телефоне или у тебя на телефоне. Я представляю наш первый поцелуй: он случится через восемнадцать секунд, девятнадцать минут и три часа, когда мы, пьяные, будем прощаться в такси на Бэнк-стрит. Теперь я понимаю тех придурков, которые дрожат прямо в метро. Я-то не такой. Всему свое время. Поезд едет чертовски медленно «по нью-йоркской окружной». Слушай, Бек, нас уже столько связывает, а мы еще даже ни разу не трахались. У меня для тебя подарок. «Западное побережье» с подписью на форзаце:

Поезд, поезд номер ноль

На нью-йоркской окружной,

Ты возьми с собою в дом

Престарелых этот том.

Получилось не очень, зато про нас; ответный подарок укрепит завязывающиеся отношения. Поезд останавливается. Еще шестнадцать шагов, два квартала и одна улица, и... Надеюсь, Принсу довелось испытать в своей жизнь такое же счастье. Твой гребаный телефон завибрировал, когда я поднимался из подземки. Сообщение. Мне пришлось сесть. Все изменилось. Мгновенно. Ты купила новый телефон. И радостно сообщила всем об этом по электронке.

Бенджи откликнулся:

«Привет».

Ты ему:

«Приходи».

Он:

«?».

Ты мне:

«Черт! Прости! Опять учеба. Давай на следующей неделе. Прости-прости!»

Он тебе:

«Опоздаю на час. Опять работа».

Ты ему:

«?».

Ты улыбаешься, потому что хочешь, чтобы жизнь была простой и счастливой – без тайн и тревог, как до болезни отца. Ты пишешь, как безопасно было в Нантакете. Как клаустрофобия и комфорт идут рука об руку. Твои родители никогда не запирали дом, а ключи от машины оставляли в замке зажигания. Но наступает март, и ты готова все отдать ради встречи с незнакомцем. Пару недель назад ты написала в «Твиттере»:

«Остров #Манхэттен ничем не отличается от острова #Нантакет: поесть дорого, выпить дорого, и зимой все слетают с катушек».

Остроумно, Бек, однако Манхэттен – совсем не то, что твой драгоценный Нантакет. Позволь рассказать тебе, что я делал в прошлый вторник.

На острове Манхэттен надо запираť все двери, а не то какой-нибудь сообразительный парень может отправиться на экскурсию на фабрику по производству содовой, когда хозяина нет на месте (особая благодарность Бенджи за подробный отчет о своих действиях в «Твиттере»), попроситься в уборную и, заблудившись, ненароком попасть в незапертый кабинет хозяина, где стоит незапароленный компьютер, и найти там календарь с расписанием

перформансов некоей особы с ником @LottaMonica.

И сегодня, как раз когда должна была произойти наша судьбоносная встреча, у этой особы запланирована акция по росписи стен в реконструированной пожарной станции в Куинсе. Как ее зарегистрированный фанат во всех соцсетях – на что только не приходится идти ради любви, Бек, – я имею доступ к прямой трансляции этого фантастического мероприятия. И хотя Бенджи собственной персоной не видно (в зале полно народу), повсюду стоят бутылки с его органической, мать ее, содовой. Он там! И комментарий от девицы с нелепой челкой в розовых очках это подтверждает:

«Бенджи подогнал содовую. #органические_продукты #домашняя_содовая #пей_бесплатно_или_сдохни».

Вот она, его работа. Бенджи забил на твое выступление, но не поленился скататься в Куинс посреди рабочего дня, потому что Моника – длинноногая блондинка, которая выдает свою мазню за искусство. Ты не знаешь о ее существовании и вообще веришь парням на слово. На твое выступление он свою содовую не притащил, Бек. Ты не оставляешь мне выбора. Я вынужден тебя спасать.

Опыт научил меня быть готовым к любым поворотам событий. Открываю заранее созданный аккаунт N. Herzog@gmail.com. Ты, конечно, не в курсе: Натан Херцог – главный ресторанный критик в пафосном журнале, старательно отлизывающий Бенджи и другим таким же, как он, напыщенным модным придуркам. Правда, про «Домашнюю содовую» Херцог пока еще не писал, что вызывает искренне недоумение и даже праведный гнев у поклонников этого пойла, судя по комментариям на HomeSoda.com. Их до крайности удивляет, что влиятельный критик до сих пор не удосужился взять интервью у Бенджи или хотя бы сбацать колонку о его гениальном изобретении.

Что ж, пора.

Бенджи сейчас получит письмо от Натана Херцога, только что хлебнувшего самой фантастической содовой в своей жизни и осознавшего, что упустил рождение звезды.

«Есть ли у вас время для встречи? Предлагаю “Книжный магазин Муни” в Нижнем Ист-Сайде. Внизу есть кафе, где нам никто не помешает. С уважением, Н».

Не прошло и секунды, как Бенджи ответил:

«Хорошо, Натан. Польщен вашим вниманием. Уже еду».

Отвечать я не стал.

Вновь спускаюсь в метро. Думаю о тебе и пишу Кёртису, чтобы тот собирался домой, я сейчас приеду и отпущу его. И вдруг понимаю, что оплошал. Что-то не так.

«Западное побережье».

С моей подписью.

Оставляю книгу на тротуаре. Перевожу дыхание. Ведь ты отшила меня, Бек. Мистер Муни был прав: я не смогу сам управлять магазином. Я не бизнесмен, а поэт. Еще четыре остановки, одна пересадка, три квартала, две улицы и один лестничный пролет, и мы встретимся с Бенджи. Надо только вспомнить, куда я спрятал тесак.

8

Я опаздываю – навещал тебя, Бек. Мне больно смотреть на твои слезы. Знала бы ты, как я хочу обнять тебя, прижать к зеленой подушке и наполнить до краев любовью и бурлящей газировкой. Безумно хочу. Но приходится ждать. Увы! Правда, осталось уже недолго. Думаю, теперь удача повернется к нам лицом. Терпеть не могу шаблонные фразы, однако порой они бывают к месту.

Твои письма к Бенджи превратились в монологи. Ты плюешься ядом и шипишь, как змея:

«Я, мать твою, не игрушка! Не бессердечный кусок дерьма. И не бездарная шлюха-художница. Я человек. Меня нельзя взять и просто молча бросить. Слышишь? Я не потерплю. Относись ко мне, как к своей газировке. С уважением. Или знаешь что?.. Ну и пошел ты! Вместе со своей газировкой. Трахай теперь ее. Ты же ее так любишь. А меня нет. Ты вообще никого не любишь».

Чудесно написано, и я еле сдерживаюсь, чтобы не войти к тебе – не войти в тебя. Но, Бек, почему ты не отправляешь эти письма, а сохраняешь их как черновики? Пока ты не избавишься от своей дурацкой фантазии, что богатенький турист придет и спасет тебя, бедную островную девчонку, я ничего сделать не могу.

Чана права: «Слушай, Бек, было бы здорово, если б Бенджи любил тебя, но ведь он не любит. Иначе бы не врал, не просил называть его папочкой и не кидал тебя. Я даже рада, что он слился. Забудь его».

А Линн твердит свое: «Ты не думай: я не хочу замуж. И я люблю Нью-Йорк. Но лучше работать в Праге, чем в этом городе искать мужа. Нет здесь нормальных парней. Все как твой Бенджи».

Чана отвечает: «Завязывай сидеть на сайтах знакомств, Линн. Seriously».

Ты: «Девочки, я это уже слышала и сама все прекрасно знаю. Можете считать меня сумасшедшей – я продинамила сегодня того странного парня из книжного магазина, – но смотрите, что Бенджи мне сейчас прислал: “Бек, ты победила. Я козел. Я полное дерьмо. Я... просто запутался. Прости. С Моникой все кончено. Сейчас я жду одного важного звонка по работе. Но если ты скажешь, что уходишь от меня, я готов бросить все и мчаться к тебе. Потому что ты – моя жизнь”».

Чана: «ВОТ МУДАК. ЭТО ИЗ ФИЛЬМА С РИЗ УИЗЕРСПУН. МЯ ЩАС ВЫРВЕТ».

Линн: «Если б это был не Нью-Йорк, может, и прокатило бы. Бек, он тебя обманывает и динамит...»

Неулыбчивой дылде ты тоже написала. Отдельно. И совсем в другом тоне.

Ты:

«Бенджи куда-то пропал. Избегает меня? Или очень занят? Я беспокоюсь, вдруг...»

Она:

«Вдруг ты просто увлеклась своими рассказами и забыла о нем. Знаешь, как в йоге, когда всю энергию концентрируешь в себе».

Ты:

«И правда. Спасибо за мудрый совет».

Мне плевать, что думают твои подруги. Главное – что думаешь ты. А ты никак не можешь отлипнуть от Бенджи – даже после того, как загнала его письмо в поисковик и нашла оригинал, откуда оно было дословно списано: статья «Как просить прощения у своей девушки» из журнала «Максим» за 2004 год.

По гороскопу я Скорпион: интуиция меня не подводит. Да и голова работает. Я знаю самый короткий путь к магазину, могу в два счета заткнуть и по-тихому выставить Кёртиса; помню, где мистер Муни хранит тесак – под половицей у каталожных ящиков, – потому что он у нас старомоден. Впрочем, и каталог наш не компьютеризирован. А еще я знаю, что Бенджи – полный кретин, поэтому, сбегая к нему по ступенькам, натягиваю приветливую улыбку и говорю с британским акцентом. Этого достаточно, чтобы он меня не узнал.

– А вот и вы, автор «Домашней содовой»...

– Мистер Херцог, большая честь для меня, – расплывается в улыбке этот волосатый жополиз в дорожном блейзере и берет один из комиксов Хешера, которые я перетащил вниз из зала. – Атмосферное местечко. Здесь подают кофе?

– Подают, да.

– Чудесно, Натан.

Он направляется к клетке, я киваю и пропускаю его внутрь. Входит, осматривает полки под потолком, я незаметно достаю тесак.

– У моей кузины в Ист-Хэмптоне такая же, – разглагольствует он, – для попугаев.

– Чудесно, – поддакиваю я и захожу следом.

Он слегка напрягается и засовывает руки в карманы.

– Что ж, Натан, давайте начнем.

– О нет, сэр. Мистер Херцог слегка задерживается. Я – его ассистент, Уайли.

Слышишь, Бек, я назвался в честь твоего ковбоя. Но обещаю, что не кончу как он, одинокий и раздавленный. Я умею идти до конца.

– Здорово с тобой познакомиться, Уайли, – натянуто улыбается Бенджи, стуча костяшками пальцев по балке. – Кедр?

Вот идиот.

– Красное дерево.

– Осталось только птиц сюда запустить.

– Нет, сэр.

Он пятится и смотрит на дверь.

– Я, пожалуй, наверху подожду.

– Нет, Бенджи.

Смотрит озадаченно. Брат Кейденс тогда тоже сильно удивился. Они всегда теряются, когда получают по заслугам – когда справедливость торжествует.

Ты стучишь в моем сердце строчкой «поезд, поезд номер ноль». Делаю шаг вперед, Бенджи отступает. За мной первое слово... и последнее: «Можно сказать “рад познакомиться” или “приятно познакомиться”, но только не “здорово познакомиться”, Бенджи. Никогда».

* * *

По счастью, Бенджи оказался таким же безалаберным, как и ты: без пароля на телефоне. Открываю его «Твиттер», почту, фотографии Моники. Что за мерзкая, расфуфыренная, фальшивая баба! Выбираю один из снимков и публикую с аккаунта Бенджи в «Твиттере». С единственной подписью «#чудохороша». Думаю, ты догадаешься, что это равнозначно подписи «#уродина» под твоей фотографией.

Если даже после такого ты с него не соскочишь, придется продолжить реабилитацию: кинуть ссылочку на пост в блоге про то, как Бенджи катался в Нантакет в «дегустационную экспедицию» для «поиска новых вкусов». Без тебя. Даже не предупредив. Козел.

Понимаешь, Бек?

Мой телефон вибрирует. Умничка! Быстро схватываешь.

Ты:

«Может, в четверг?»

Я:

«Да».

Четверг. Утро. Сегодня вечером наше свидание – моя награда за последние три дня. Знаешь, Бек, присматривать за Бенджи – работенка так себе. Пришлось прокатиться на поезде до Нью-Хейвена, чтобы снять с его карты деньги, не вызывая подозрений. Тем не менее я не жалуюсь; к тому же у меня созрел отличный план. Я сотворю новую реальность с помощью его телефона. Гениально, сам знаю. Ты подписана на него в «Твиттере», значит, история его погружения в наркотический угар и слабоумие будет разворачиваться у тебя на глазах. Начать я ее решил с Нью-Хейвена: снял две штуки баков с его счета и запостил в «Твиттер» фотку с уродским бульдогом, талисманом Йельского университета.

«Тот самый #бульдог снова на месте после похищения. #че_как_ньюхейвен #мы_с_молли».

Теперь всем (тебе) станет ясно, что Бенджи решил уйти в загул. Выпускники Лиги плюща любят возвращаться в альма-матер, чтобы по старой памяти пуститься там во все тяжкие. Я же говорю, гениальный план. К тому же мне хотелось проветриться: сил уже больше нет терпеть его скулеж.

От тебя приходит сообщение:

«Привет. Что-то не спится. Какие планы на вечер??»

Бенджи подает голос:

– Это все из-за Бек? Джо, если она нужна тебе, забирай – не жалко.

Вот козел. Ты – не разбитая машина и не его вещь, чтобы сбывать тебя с рук, поэтому я рявкаю:

– Заполняй тест.

– Джо, – не унимается он, а меня передергивает. Плохо, что он знает, как меня зовут. Будут трудности.

Собираюсь с мыслями и пишу тебе:

«С добрым утром, соня. Надеюсь, тебе снились сладкие сны. Жду в 20:00 на ступеньках Юнион-сквер. Когда стемнеет, будет сюрприз».

Отправляю. Хочу, чтобы скорее наступил вечер, но надо отвлечься. Смотрю, какие книги Бенджи перечислил в списке любимых.

«Радуга тяготения» Томаса Пинчона – врун и позер.

«Изнанка мира» Дона Деллило – сноб.

«В дороге» Джека Керуака – вечный второгодник, застрявший в восьмом классе.

«Короткие интервью с подонками» Дэвида Фостера Уоллеса – это уж слишком.

«Алый знак доблести» Стивена Крейна – ага, строит из себя потомка первых переселенцев.

Бенджи уже завалил тест по «Радуге тяготения» (кто бы сомневался) и «Изнанке мира». И принялся причитать, что я должен был предупредить о проверке – он написал бы другие книги. Богатенькие всегда так: не врут, только когда прижмешь их к ногтю. Ты не такая. Пишешь:

«?».

Что ответить на улыбающийся смайлик, я не знаю, да и времени нет: принцесса Бенджи требует соевый латте, свежий выпуск «Нью-Йорк таймс», альпийскую минеральную воду, элитный крем и органическую зубную пасту. Я приказываю ему заткнуться и довольствоваться тем, что есть: кофе из забегаловки, вчерашним выпуском «Нью-Йорк пост», банкой вазелина и содой из коробки.

Ты пишешь:

«А что будет за сюрприз, когда стемнеет?»

Я не сержусь. Ты дико меня хочешь, это ясно, иначе не стала бы повторять мою фразу слово в слово. Отвечаю:

«Узнаешь, когда придет время».

А вдогонку зачем-то отправляю подмигивающий смайлик. Черт! Зря! Меня начинает мутить.

– Джо, я эту книгу в руках со школы не держал. Я не напишу тест без хорошей дозы нормального кофе.

Принимаю волевое решение, лишь бы только не слышать это нытье.

– Ладно, забыли про Керуака. На сегодня хватит.

Он поднимает от бумажек голову и смотрит на меня, как на Бога.

– Спасибо, Джо. Я не читал «В дороге» и, честно говоря, уже начал паниковать.

– Но ты указал ее в списке.

– Да.

– Я ведь велел тебе перечислить любимые книги.

– Да.

– Охренеть! Ты сидишь запертым в подвале магазина. В клетке. И думаешь, что вранье сойдет тебе с рук...

– Не заводись, – бормочет Бенджи и на секунду косит взгляд. Я знаю, куда он смотрит. Помнит про тесак. Мне не остается выбора. Делаю несколько шагов. Протягиваю руку. В глаза ему не смотрю.

– Не заводись, не надо, – скулит он.

Я встаю перед ним, расставив ноги, чтобы занять как можно больше пространства, и говорю:

– Ты хочешь сказать, что я зря тратил время, составляя эти тесты? Тесты по твоим «любимым» книгам, которые ты даже не читал? Ты обманул меня. И теперь просишь не заводиться?

– Да, я обманщик, признаю.

Я отворачиваюсь, не выпуская из рук тесака, только слегка киваю – мол, давай, продолжай, сучий потрох.

Удивительно, на что способны деньги: все-таки богатые – отдельная раса. Руки у Бенджи белые и нежные, как у девушки; такие бывают только у бездельников в десятом поколении. Волосы густые и пышные, не поредевшие от бессонных ночей на ветру и от изнуряющего труда. В самой его шевелюре, в изгибе носа отражается унижительная и неизбежная несправедливость жизни.

– В свою защиту заявляю, что люблю эту книгу. Только в постмодернистском смысле. Мне не обязательно ее читать, чтобы постигнуть. Я ощущаю, что она отражает мои чувства и убеждения. Я знаю кучу людей, которые ее читали. Даже писал про нее. В университете я специализировался на сравнительном литературоведении и точно тебе скажу: можно прочитать книгу, не читая ее традиционным способом. Вполне достаточно прочитать о ней, Джо. Понимаешь, о чем я?

– Да, Бенджи. Понимаю.

– Я не сомневался, что ты поймешь, Джо.

– Йелей я не кончал, зато врунов насквозь вижу.

С меня хватит. Поднимаюсь вверх. Волосатый постмодернист начинает орать мне вслед и угрожать своим папочкой, а потом меняет тактику и принимается выпрашивать книжку Уоллеса:

– Принеси! Я прочитаю. Правда! И тест пройду. Клянусь, Джо. Джо!

Подвал полностью звукоизолирован. Мистер Муни любит уединение. Бенджи может орать сколько душе угодно – его никто не услышит.

От тебя приходит сообщение:

«Ты забавный, Джо».

Фу, отлегло. Ты не посчитала меня негодяем или извращенцем из-за того смайла. Вновь сияет солнце. Я запираю подвал и пишу тебе:

«Мне надо работать. Встретимся на ступеньках Юнион-сквер, с южной стороны, в центре. Ровно в 20:30».

Отправляю и отключаю телефон. Я написал, где нужно быть и во сколько; ну и хватит пока.

* * *

Этот день явно объявил мне войну. Я забыл, что сегодня выходит новая книга Стивена Кинга. Пришлось отложить утреннюю газету и идти открывать дверь, за которой уже выстроилась приличная очередь. Старик разродился новым опусом – и все вдруг прониклись любовью к бумажным книгам. Абсурд!

Нет, я ничего не имею против Стивена Кинга, но так тоже нельзя. Хотя уж лучше он, чем вездесущий Дэн Браун, того я вообще за литературу не считаю.

Первый любитель ужасов ступил в двери магазина в 9:31, и понеслось:

– Видели отзыв в «Нью-Йорк таймс»?

– Да, конечно.

– Говорят, это лучшая его книга.

И так восемьдесят пять тысяч раз подряд. Время как кисель. Солнце не движется. Касса заедает. Я бью по ней, чтобы она заработала и время сдвинулось с места. Хочу скорее тебя увидеть. Хочу тебя. Передо мной стоит покупательница, и у нее – первый раз за день – в корзине не Стивен Кинг, а кулинарная книга Рэйчел Рей, и она смотрит на меня так, будто я врезал не по

кассе, а ей по лицу. С пассивно-агрессивным вздохом она начинает строчить гневный отзыв в своем «Твиттере»:

«Нет ничего хуже плохого обслуживания! #книжныйМуни»

Тычет экран мне в лицо. Ладно, мадам. Я приношу извинения и говорю, что Рэйчел Рей недооценивают – она прекрасный писатель. Тетка удаляет свой твит, и хорошо, потому что это тот момент, когда мир либо поворачивается к тебе лицом, либо идет к черту. Я пользуюсь временным затишьем и отправляю твит с аккаунта Бенджи:

«Домашняя содовая и абсент? О да. #от_работы_кони_дохнут».

Передо мной очередной придурок копается в своем бумажнике в поисках кредитки, чтобы купить очередного Стивена Кинга и прочитать, как какой-нибудь извращенец творит темные дела, – потому что сам этот придурок ссыт творить темные дела, хоть и мечтает о них с самого детства.

Они все одинаковы, Бек, безмозглые откормленные лемминги: им скучно, и они хотят острых ощущений, а смелости хватает только на то, чтобы покупать подобные книги. Жалкие ублюдки!

– Говорят, концовка шикарная. И очень неожиданная.

– Да, говорят. Платить будете картой или наличными?

Думаешь, тебе было тяжело с Бенджи? Попробовала бы ты целый день отвечать на одни и те же вопросы, пока этот волосатый козел в подвале пытается прорыть тоннель в Китай. Ты притерпелась к его выходкам, Бек, но его бесконечное нытье даже тебя вывело бы из равновесия. Боже, у малыша аллергия на глютен, на арахис, на дрожжи, на пыль, на сахар, на «Визин». Я принес ему орешки в шоколаде, так он начал визжать, что может умереть от одного только запаха.

От запаха, Бек!

Я знаю, на что у него аллергия. На жизнь!.. Ничего, я его вылечу. Когда выйдет отсюда, конечно, будет злиться, зато потом еще «спасибо» скажет.

– У меня собраны все книги Стивена Кинга.

– Здорово. Можете гордиться.

А ты их читал, урод?!

Знаешь, Бек, как тяжело ночевать в магазине и трястись, что мистер Муни случайно заглянет в клетку, чтобы полистать порнушку из семидесятых? Целый день отвечать на одни и те же вопросы про Стивена, мать его, Кинга, когда внизу сидит пидорас, требующий яблок и меда? Идти к тебе на свидание и молиться, чтобы Кёртису не взбрело в голову лезть в подвал, а мистеру Муни – смотреть на голых раритетных девок? Я люблю тебя, Бек, по-настоящему люблю, но знала бы ты, сколько из-за тебя проблем! А вдруг заявится какой-нибудь толстосум, которому захочется выложить шесть штук баксов за книгу с автографом Хемингуэя, и Кёртис вызвонит мистера Муни, и мистер Муни прихромает сюда, и они втроем спустятся вниз – и худший день в жизни Бенджи превратится в лучший... У меня проблемы, Бек. Настоящие.

– Надо же, сколько народу! Я думал, никто уже и не покупает бумажные книги, кроме меня.

– Никто и не покупает бумажные книги, – отвечаю я покупателю № 4356, абсолютно неотличимому от № 4343 и от всех остальных, – если только их не пишет Стивен Кинг.

А ты думаешь, что у тебя проблемы! Я, хоть и не считаю их таковыми, знаю, что тебя тревожит. Тебя тревожит, что ты не успеваешь по учебе, что приходится читать рассказы твоих дебилов-сокурсников, что парикмахер напортачил с прической, что Чана боится беременности, хотя чувак, с которым она спала, едва в нее зашел, а Линн обещает, что, если залетит, непременно оставит ребенка и вернется домой, а ты говоришь, что если у тебя будет ребенок, то ты назовешь его #как_угодно_только_не_Бенджи. Твои подруги уже слышать не могут про Бенджи, потому что ты вспоминаешь этого козла постоянно. Они просят тебя забыть его и переключиться на меня. Вот умнички!

Вам потребовалось пятьдесят два письма, чтобы выяснить простые, очевидные вещи.

Чана не беременна, потому что ни с кем на полную катушку не трахается.

Линн мертвая внутри.

Ты еще не забыла Бенджи, но быстро забудешь, как только встретишься со мной.

Так, подожди, у тебя все-таки есть одна настоящая проблема. Ночью мать, напившись, прислала тебе письмо. Ей плохо, ей нужно с кем-то поговорить, ей хочется кричать, но, Бек, если б ты знала, что мне приходится терпеть ради тебя, ты не тратила бы время на жалобы подругам, а прочитала бы все, что нужно прочитать, потискала бы зеленую подушку и поблагодарила Бога за то, что у тебя в подвале не сидит восьмидесятикилограммовая принцесса, которую волнует, в свободном ли выпасе была курица, которая теперь лежит у нее в сэндвиче.

– Обожаю Стивена Кинга. А вы?

– Конечно. Кто же его не любит.

Согласен, Бенджи не дурак. Сэндвич ему не понравился, но он съел его до крошки, когда увидел мое лицо. И ничего. Не сблевал. Ссыт в банку, срет в горшок. И догадайся, Бек, кому приходится все это ежедневно выносить. Спускать в унитаз говно, расставлять на полках и на витрине новый бестселлер по третьему разу за день, обслуживать бесконечных поклонников Стивена Кинга, желающих получить его роман вот-пря-м-щас, потому что читать менее известных авторов им религия не позволяет. Таковы люди. Ничего не поделаешь.

Телефон жужжит – 18:00. Мое рабочее время кончилось. За весь день я продал только одну книгу, не Стивена Кинга – кулинарный опус Рэйчел Рей. Неудивительно, что Бенджи не читал ни одного произведения из своего списка. Люди в принципе перестали читать. Не таким я представлял сегодняшний вечер – вечер нашей встречи.

– Говорят, это лучшая его книга.

– Будем надеяться.

Кёртис явится не раньше чем через десять минут. Он никогда не приходит вовремя, как и другие представители Поколения Бенджи, погрязшие в гребаных гаджетах –

тиндеринстаграммтвиттерфейсбуквинишкодерьмонарциссизмонлайнпетициифантазии

Я с радостью оштрафовал бы его, но он меня уважает – только поэтому до сих пор не вылетел из магазина, хотя и попросил придержать ему одного Стивена Кинга, слушает Эминема в огромных идиотских наушниках и по году мусолит одну книгу.

– Вы уже читали?

– Нет, она только сегодня вышла.

– Привезли-то, наверное, еще вчера... Не поверю, что вы не пролистали хотя бы первую главу.

– Нет, я не читал первую главу. Платить будете картой или наличными?

Я жду. Измотанные офисные клерки потянулись за свежей порцией ужасов, чтобы хоть на время отвлечься от своего унылого существования. Нам повезло, Бек. Сегодня вечером добрая половина Америки – и Бенджи в том числе (потому что я хороший парень и подкинул ему томик) – залипнет в темных фантазиях Стивена Кинга. А мы будем жить своей жизнью – вместе. Мне жаль этих убогих.

– Можно я возьму другую книгу?

– За вами очередь, и я уже пробил чек.

Что ж, теперь всем ждать эту телку, до которой только дошло, что она хочет не леденящие кровь ужасы, а какую-нибудь сопливую попсу типа «Секса в большом городе»? Она сама не поняла, почему схватила Стивена Кинга. Все берут, и она взяла.

18:06. Я знаю, что ты сейчас делаешь. Рисуешь подводку, как у сестер Олсен, чтобы выглядеть круто (хотя она тебе совершенно не идет). Слушаешь альбом Дэвида Боуи Rare and Well Done, который всегда ставишь, перед тем как идти на свидание (он тебя заводит, и о нем не стыдно при случае упомянуть). Выбираешь лифчик под майку и майку под лифчик (тебе все идет) и забираешься на свою зеленую подушку, потому что лучший способ сделать прическу «только с постели» – залезть в постель и поласкать себя. Вы, телочки, гораздо развязней и похотливей, чем парни. Это факт. Пока списываются деньги с кредиток, я успеваю просматривать твою почту. Ты, не стесняясь, выкладываешь подружкам все подробности своих телесных проявлений. Без пуританских аллегорий. Ты любишь Боуи, не против пластической хирургии и, заметив, что нарощенные в Чайна-таун ресницы выглядят пошло, решаешь передернуть.

Передернуть!

– Извините?

– Что-то еще?

– Да. Можно пакет или они у вас платные?

18:08. Следующий покупатель протягивает вместе с новинкой «Сияние» того же Кинга, просто чтобы выпендриться. Как ужасен мир, Бек! И как мне повезло, что ты заглянула сюда, такая светлая и счастливая... Обычно здесь трутся одни угрюмые уроды, кроме тебя, меня и Кёртиса, который как раз появляется на пороге, придерживает дверь выпендрежнику с «Сиянием» и заводит свою обычную шарманку:

– Поезд задержался.

– Вставай за кассу.

– Пятнадцать минут прождал впустую.

– Сегодня берут только Стивена Кинга. Продашь последний экземпляр – и можешь закрываться.

– Класс. Но мне ведь надо отработать положенные часы.

18:11. Молокосос хочет отработать часы, мать его, а у меня времени в обрез: надо настроиться, помыться, заклеить порезы от бумаги. Я стискиваю зубы. Ноль реакции. Кёртис не умеет читать по лицам, потому что вечно пялится в свой телефон.

– Закроешься, когда распродашь Кинга. Ясно?

– Из-за этих гребаных поездов все вечно опаздывают.

– В следующий раз просто пришли эсэсмэску, что задерживаешься.

– Выглядишь уставшим, приятель... Иди. Я справлюсь.

Мало того, что этот маленький засранец опоздал, так он мне еще и указывает.

– Очередь, Кёртис, – говорю я и наконец выхожу на улицу, подальше от подвала с гребаной принцессой, подальше от книг. Начинает смеркаться. Ты, наверное, еще на своей зеленой подушке предвкушаешь нашу встречу. Я спешу домой, а в голове у меня «Саймон и Гарфанкел». Потому что день Стивена Кинга кончился, Бек. И вся ночь впереди – наша.

10

Домой я попал в 19:00. Из душа вышел в 19:15. И тут же здорово стукнулся пальцем об одну из пишущих машинок. Пошла кровь, но я не стал паниковать и принимать нелепую случайность за дурной знак. Эту машинку – «Смит корона» 1982 года – я случайно нашел на улице Бушвика и назвал Гектором. И неудачно поставил ее на самом ходу. Или просто разволновался (думаю, небольшое кровоупускание пойдет на пользу). А может, Гектор тоже нервничает. Я скоро познакомлю тебя с ними, Бек, с моими двадцатью девятью пишущими машинками (и это только начало большой коллекции). Когда наступит массовый компьютерный коллапс (а он непременно наступит – мир скоро повернет вспять, надо лишь дождаться), перед моими дверями выстроится очередь из

страждущих.

Ты любишь фильм, где умирающий от рака парень пересекает Канаду на мотоцикле за одну неделю[5 - Канадский фильм «Одна неделя» (2008).]. Он там ходит в основном в белой футболке, поэтому я надеваю классическую тенниску с треугольным вырезом, джинсы и ремень, купленный в армейском магазине. Это настоящая потертая портупея с огромной пряжкой – как у ковбоя из твоего рассказа, а не как у Брайана Адамса. Тебе непременно захочется ее потрогать.

Сажусь в метро и отправляю сообщение:

«Извини, немного опоздаю».

Ты тут же отвечаешь:

«И я».

Пейзаж за окном меняется, как в замедленной съемке. Я так возбужден предстоящей встречей, что думаю только об одном. Схожу с поезда и отправляю твит с аккаунта Бенджи:

«Трахнул бы Майли Сайрус. Так, ради интереса. #глубокие_мысли».

Добираюсь до Юнион-сквер, но не иду сразу на место, а прячусь за киоском и вижу, как ровно в 20:30 ты появляешься на площади, осматриваешься, садишься на ступеньки и принимаешься терпеливо меня ждать. Ты наврала, что опаздываешь. Я пишу тебе:

«Извини. Буду в 20:45».

Ты отвечаешь:

«Не страшно. Я тоже! Увидимся в 20:45».

Какая умничка. Заботишься обо мне и тоже нервничаешь. В 20:52 делаю первый шаг к тебе; сердце бьется где-то в горле, не верится, что мы наконец вместе. Заметив меня, ты улыбаешься, машешь и поднимаешься навстречу. Чистая,

открытая и готовая. Кусаешь нижнюю губу, вся сияешь и заигрываешь:

– Вы опоздали, мистер.

– Извини.

Улыбка не сходит с твоего лица. Я задержался ровно настолько, чтобы дать тебе понять: я не верный паж, но и не отвязный грубиян. Ты делаешь глубокий вдох, смотришь на меня и опускаешь глаза.

– Ты обещал сюрприз, когда стемнеет. Уже темно.

– Да, – киваю я, сажусь и хлопаю по ступеньке. Ты опускаешь рядом со мной свою хорошенькую кругленькую попку. Чудесно. Так и должно быть. Хорошо, что я дождался темноты. Ты женщина, я мужчина, вокруг ночь. Ты хорошо пахнешь чистотой. Мне нравится.

– Часто, наверное, приходится чистить, – замечаешь ты, слегка подталкивая своей балеткой мои новые белые «аидасы».

– Поэтому и опоздал, – отшучиваюсь я. – Надраивал этих ребят больше часа.

Ты смеешься, мы начинаем болтать о Поле Фокс, моих кроссовках, очередном сумасшедшем бездомном, разговаривающем с мусорным баком. Нас тянет друг к другу. Это очевидно. Время течет незаметно. Тебе нравится здесь. У всех на виду. А когда разговор буксует, мы снова шутим о моих кроссовках.

– Они очень белые. Идеальные. Как у Бена Стиллера.

– Передам своему чистильщику обуви.

– Непременно, поимей в виду, Джо.

Ты сказала «поимей» и «Джо», это не случайно.

– Я оставил ему хорошие чаевые, – бросаю я, и ты начинаешь рассказывать о том, как однажды случайно украла туфли на распродаже. Мы сидим на ступеньках уже почти двадцать минут; ты так завелась, что тебе приходится нести всякую чушь, только бы не наброситься на меня прямо здесь. Я выбрал это место не случайно: всю жизнь я ходил тут и завидовал обнимающимся парочкам, а теперь пусть завидуют другие. Ты рядом, чистая и возбужденная, говоришь что-то, но мне сносит крышу от одного запаха твоего геля для душа, и я с трудом улавливаю смысл.

– Я такая: «Я ничего не крала, случайно забыла снять». Кому вообще придет в голову воровать туфли на острове?

– Очевидно, одной бесстрашной и симпатичной девушке по имени Бек.

Ты улыбнулась, когда я назвал тебя симпатичной. Умничка. Ты уверена, что я тебя понимаю, – мои изыскания не прошли даром.

– Ты, наверное, считаешь меня сумасшедшей, – кокетничаешь ты. – Зачем я вообще это рассказала?

– Потому что это наше первое свидание. У всех есть в запасе какая-нибудь смешная не совсем правдивая история, припасенная для таких случаев.

– Значит, я врунья, – улыбаешься ты и закидываешь ногу на ногу. Хоть ты и не в юбке, двое придурков пялятся на тебя, раздевая взглядом. Это Нью-Йорк, детка.

– Нет, ты врунья и воровка.

Краснеешь, и мы вместе смеемся. Ты потягиваешься. Под белой майкой просвечивает красный лифчик, из-под джинсов виднеются розовые хлопковые трусики. Ты выпрямляешь ноги и вытягиваешься на ступеньках, закинув голову. Я хочу оседлать тебя прямо здесь, посреди площади, на виду у пялящихся на тебя придурков, растамана, торгующего фенечками, и недовольных стерв, спешащих домой, чтобы скорее загрузить нового Стивена Кинга на свои «Айпэды».

– Ты выглядишь таким молодым, – кидаешь ты, будто я какой-то задрот.

– Молодым?

– Нет-нет, Джо, не обижайся, я не так выразилась.

– Хорошо, а то мне только исполнилось семнадцать, и знаешь, не хочется выглядеть малолеткой. Чего доброго, подумают, что ты собираешься меня растлить.

Ты шлепаешь меня по ноге – я тебе явно нравлюсь, – закусываешь губу и наклоняешься, как тогда на выступлении, чтобы сказать что-то важное.

– Многие мои друзья спешат стать взрослыми и серьезным. А вместо этого кажутся просто старыми; в них пропадает открытость – а она и есть молодость.

– Что ты куришь? Я тоже так хочу.

Ты опять смеешься и легонько шлепаешь меня по ноге. Этого я и хотел добиться. Мне нравится твой смех, и мне нравится, что ты реагируешь на мою шутку, однако свою мысль не бросаешь.

– Первый раз я ощутила себя старой на первом курсе. Мне предложили стажировку в Праге, но я передумала в последний момент, и все друзья тогда ругали меня, будто я упустила единственный шанс в своей жизни. Будто только в колледже есть возможность выбраться за границу.

– Можем хоть сейчас рвануть, – неудачно шучу я, потому что разговоры о колледже выбивают меня из колеи.

– А в тебе есть молодой задор... Очень классно! Будто у нас все впереди и все возможно: хоть баллотироваться в президенты, хоть выучить язык жестов, хоть объездить все замки в Брюгге...

Ты сказала «у нас». Я улыбаюсь.

– Велеть подать мой самолет?

– Нет, серьезно, – говоришь ты и подвигаешься ближе. – Кем ты хотел стать в детстве?

– Рок-звездой, – откликаюсь я и, как ты, откидываюсь на спину. Мы лежим совсем рядом и смотрим в небо. Готов спорить, мы чудесно смотримся вместе, под звездами, молодые и влюбленные.

– Я хотела стать певицей.

– Вот почему тебе так нравится «Идеальный голос»...

Ты резко оборачиваешься и садишься. Я облажался.

– Откуда ты знаешь?

– Просто предположил.

Черт! Черт! Черт!

– Одно время его все смотрели.

– А-а... – тянешь ты. – Тебе нравится?

– Не знаю, – мямлю я, мучительно краснея. – Не смотрел. Но если ты любишь, значит, фильм стоящий.

– Неужели, – говоришь ты, не поднимая глаз, – я настолько предсказуема?

Я молчу. Не знаю, что сказать. Черт бы побрал эту Анну Кендрик. Все из-за нее. Как можно было так проколоться?! Ты смотришь на меня с грустью. Я виноват. Есть только один способ все исправить.

– Предсказуема не ты, Бек, а «Фейсбук».

– Ты залезал на мои странички?

– Они в открытом доступе...

Ты опять смеешься и шлепаешь меня по ноге. Встаешь, потягиваешься. Я вижу твой пупок. Тебе нравится, что я смотрю на тебя. Тянешься так и эдак, опускаешь руки и хлопаешь себя по бедрам.

– И фоточки мои смотрел?

– Пару сотен, не больше. Только за последнюю неделю.

Опускаешь голову и машешь руками.

– Нет-нет-нет! Не хочу быть предсказуемой телочкой, у которой вся жизнь выложена в «Фейсбуке».

– Почему вся? Совсем нет.

– Конечно, нет.

– Как минимум половина в «Твиттере».

Ты снова шлепаешь меня по коленке. Тебе явно это нравится, и мне нравится. Какой-то ребенок орет, требуя мороженого. Хиппи играет на банджо. Богатая сучка на каблуках и в дорогих шмотках громко разговаривает по телефону. Ты опять касаешься моей коленки.

– Я тоже искала тебя в Интернете.

– Да?

– Хотела посмотреть фотки, но фамилию я твою не знаю, а по одному имени трудно найти.

Я улыбаюсь, и ты улыбаешься. Ребенок никак не уймется, но он нам не мешает. Ты прижимаешься ко мне и воркуешь:

– Покорми меня.

– Сейчас пойдем.

Киваешь.

– Ты есть в «Фейсбуке»?

– Раньше был, – вру я. – А потом удалил профиль. Надоело. Большинство живет только ради того, что обновлять статусы.

– Это точно. – Ты киваешь. – Одна из моих лучших подруг тоже против «Фейсбука».

– Да я не то чтобы против.

– Тебя же там нет...

Я догадываюсь, что ты говоришь о Пич, высокомерной неулыбчивой дылде, которую никто не любит. Плохо, что ты сравнила меня с ней. Очень плохо! Накатывает паника. Я замолкаю. Родители наконец-то заткнули маленького засранца шоколадным мороженым. Поднимается ветер. Темнеет. Падают скейтбордисты. Твоя рука тянется к телефону. Я чувствую, что ты хочешь тиснуть подругам: «Парень, с которым у меня свидание, заявил, что ненавидит “Фейсбук”. Вот и всё».

– Пойдем перекусим или что? – спрашиваю я и потягиваюсь, демонстрируя, что у меня есть бицепсы и я могу убить любого, кто посмеет на тебя пялиться. Я – мужчина. А у настоящих мужчин, про которых ты пишешь в своих рассказах, не бывает друзей.

– Или что?

– Ты же хотела есть, а это просто к слову пришлось.

– Не замечал, как много лишних слов мы говорим?

– Пожалуй, – соглашаюсь я и вовремя себя одергиваю, чтобы не сболтнуть про ваше с Чаной и Линн пустопорожнее обсуждение сериала «Новенькая».

– Я хочу обращаться со словами бережно и не тратить их понапрасну. Отсечь все лишнее.

– Понятно.

– Я не против перекусить.

Поднимаюсь и протягиваю тебе руку.

– Прошу.

Ты понимаешь, что я хочу полюбоваться на твою задницу, и спускаешься первая.

– Чего тебе хочется?

– Все равно, – отвечаешь ты и оглядываешься. – Главное, чтобы недалеко от дома, мне завтра рано вставать.

Я веду тебя в «Корнер бистро» и заказываю бургеры, картошку фри, водку и виски. И не возражаю, когда ты заводишь разговор про детство. Ты рассказываешь про Нантакет, я – про Бедфорд-Стайвесант, ты – про страдания провинциалки, я – про твой остров. Это тебя удивляет и подкупает.

– Джо, ты такой умный... Случайно, не в книжном работаешь?

Много говоришь про университет, то и дело вворачивая то «Лигу плюща»[6 - Лига плюща – ассоциация восьми частных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США; считается, что члены лиги отличаются высочайшим качеством образования.], то «парней из Йеля». И наконец решаешься задать главный вопрос:

– Когда ты выпустился?

– Никогда. Я даже не поступал.

Киваешь. Такое тебе в диковинку. Я начинаю смеяться, ты подхватываешь. Ты для меня тоже в диковинку. Завожу разговор про книги.

Игра «кто-больше-прочитал» – мой конек. Я выигрываю, ты сражена.

– Извини, – бормочешь ты, – боюсь показаться грубой, но ты, хотя и без образования, лучше разбираешься в литературе, чем большинство моих сокурсников. Уму непостижимо.

Я понижаю голос:

– Только им об этом не говори.

Улыбаешься и моргаешь. Это наш секрет. Я отлично справляюсь. Ты не можешь от меня оторваться. Мы – последние посетители. Теперь ты поняла, почему я сразу предложил сесть, а не торчать у стойки. Мы одни за столиком на четверых. Одни во всем зале. Остальные столики уже вымыты, стулья подняты. Ты смотришь налево, направо, потом на меня. Спрашиваешь, не против ли я, если ты вытянешься на скамейке. У меня есть идея получше.

– Хочешь – пожалуйста. Или я могу проводить тебя домой.

Ты хлопаешь глазами и идешь ва-банк.

– А дальше?

– А дальше как захочешь, Бек.

Ухмыляешься.

– То есть ты джентльмен?

Я не отвечаю. Ты робкая и пьяная одновременно. Подводка в стиле сестер Олсен почти стерлась, и ты стала похожа на саму себя.

– Ложись! – командую я.

– Да, сэр, – лепечешь ты, щеки вспыхивают, соски напрягаются, трусики намокают. Послушно вытягиваешься. Я хочу впиться в тебя, но пока нельзя. Сегодня мы даже не поцелуемся.

– Руки за голову.

– Мы играем в «делай как я»?

– Нет.

Я представляю, как мы трахаемся прямо здесь на полу. Представляю. Пахнет пивом, беконом и чистящим средством. Я делаю вдох, ты кладешь руки под голову. Вдруг начинает играть Дэвид Боуи – все-таки Бог существует! – ты улыбаешься. Раздеваю тебя взглядом. Встаю. Ты слышишь шум отодвигаемого стула и открываешь глаза.

– Закрой глаза, Бек.

Слушаешься.

– Я просто хотела рассказать тебе про этот альбом.

– Не надо, – приказываю я.

Мне не нужны твои истории; мне нужна ты, безумно влюбленная в меня. Я не говнюк из Лиги плюща, чтобы восхищаться подробностями о малоизвестном альбоме Дэвида Боуи. И я не собираюсь слушать истории, которые ты травила парням из Йеля. Ты теперь моя и будешь делать, как я скажу. Ты тихонько подпеваешь Боуи, чтобы показать, что знаешь слова. Такое дерьмо нужно только придуркам вроде Бенджи. Бедняга, ну и натерпелась же ты с ними...

Я обхожу вокруг стола и сажусь у тебя в голове. Ты замолкаешь, хихикаешь, но глаз не открываешь. Тебя трясет от желания. Я откидываюсь и кладу ноги на стул. Мой член в нескольких сантиметрах от тебя, от твоего милого ротика. Ты чувствуешь его запах – ноздри трепещут, ты сглатываешь в возбуждении. Я

смотрю на тебя сверху вниз: глаза послушно закрыты, рот вызывающе приоткрыт.

– Прикольно, – говоришь ты. – А вдруг про нас забыли и до утра закрылись...

– Вполне возможно, – откликаюсь я, но думаю не про безудержный секс с тобой на полу, а про запертого в подвале Бенджи, мать его. Вот говнюк! Даже так умудряется нам мешать.

– Эй! – вдруг спохватываешься ты и открываешь глаза. Вместо Боуи начинает невыносимо орать «Лед Зеппелин». – Отведи меня домой! – приказываешь тоном, не терпящим возражений (наверняка переняла у друзей, выросших с прислугой).

– Да, мисс.

Два квартала мы идем в полной тишине, засунув руки в карманы, чтобы случайно не наброситься друг на друга прямо там. Для светских бесед мы слишком возбуждены. Тихо. На улицах ни души. Я довожу тебя до крыльца, ты поднимаешься на две ступеньки, и мы оказываемся лицом к лицу. Ты явно не в первый раз проделываешь такой фокус. Отработанный прием. Но я не попадусь на него и не стану тебя целовать, Бек. Не тебе меня учить, что мне делать с твоим телом.

– Было здорово, – мурлычешь ты.

– Ага, – соглашаюсь я невозмутимо. – Тебе завтра рано вставать, так что иди.

Ты киваешь, соглашаешься, но видно, что злишься. Ну и получит сейчас твоя зеленая подушка... А я улыбаюсь: ты будешь думать обо мне, ждать и сходить с ума от желания – точно так же, как на площади ребенок выпрашивал мороженое, точно так же, как вся Америка затаив дыхание ждала новой книги Стивена Кинга, как я сегодня ждал Кёртиса и как Бенджи на другом конце города сейчас ждет меня. Тебе тоже придется подождать.

– Сладких снов, Бек.

– Попить на дорожку не хочешь? – спрашиваешь ты, стоя у призывно распахнутой двери. Последняя попытка.

– Нет, спасибо, – говорю я и ухожу не оборачиваясь. Ты вожделеешь меня, и, честно говоря, если б не Бенджи с его органическими яблоками и содовой, я бы плюнул на все и глотнул твоей водички.

Бенджи – мой спаситель, мать его. Кто бы мог подумать?!

* * *

Я осадил тебя, и правильно. Улыбка не сходит с моего лица всю дорогу, а дома я рассказываю Гектору о свидании, передергиваю на тебя, принимаю душ, щедро обмазываюсь кремом и скачиваю альбом Боуи Rare and Well Done, чтобы послушать его по дороге в магазин. Не ложусь: еще куча дел. Да и как уснуть, когда ты сейчас будешь строчить своим подружкам отчет о свидании.

Заглядываю в гастроном, покупаю овсяные колечки и пакет молока, потому что Бенджи тоже заслуживает награду. Умей я свистеть, непременно изобразил бы какую-нибудь счастливую мелодию. Вхожу в магазин, сбегая по лестнице и нахожу принцессу Бенджи в праздности и дурном расположении духа. Кинга он даже не открывал, сразу видно, я же профессионал. Передаю ему колечки и подушку. Вот какой я добрый.

Но принцесса не ценит – обнюхивает тарелку и фыркает:

– Это ведь не миндальное молоко?

– Читай книгу и ешь, – команду я. – Тест будет по первым ста страницам. Вперед!

Поднимаюсь наверх и устраиваюсь поудобнее для новой встречи с тобой, Бек, только теперь виртуальной: включаю в наушниках Дэвида Боуи, открываю на компьютере фотки, стянутые в «Фейсбуке», без звука пересматриваю отрывками «Идеальный голос». Растворяюсь в тебе и даже не замечаю, как начинает светать. Как ни странно, спать вообще не хочется. Хочется увезти тебя в «Лондон, удивительный молодой город»[7 - Строчка из песни London Bye Ta-Ta Дэвида Боуи.], а приходится спускаться в подвал, чтобы проверить, усвоил ли

Бенджи урок.

И знаешь, что я вижу?! Он не просто читает Кинга, он жадно заглатывает его, как толстощекий карапуз – сладкую карамельку. Я принимаюсь хлопать, а он, застигнутый врасплох, с деланным равнодушием откладывает книгу и изображает зевок. Предупреждаю, что сейчас будет тест; он начинает ныть.

– Сегодня у нас тест на знание содовой.

– Что? Ты же сказал читать Кинга.

– Да, я сказал. А ты сделал. Молодец.

Бенджи принимается стонать и жаловаться, что у него болит желудок. И голова. И аллергия на книжную пыль. И ему нужен пластырь (ему здесь детский лагерь, что ли?), и витамин В, и крем от экземы, которая обострилась из-за «дешевого» кофе (видите ли, он не может пить молоко из коровьей сиськи). И вообще, он устал и не хочет больше никаких тестов.

– Начинаем, Бенджи.

– Не могу сейчас. Я же говорил, что не переношу коровье молоко. И эта овсяная дрянь для меня как яд.

– Содовая успокоит твой желудок.

– Ну пожалуйста...

– «Короткие интервью» ты ведь тоже не читал, так?

Молчит. Я качаю головой. Хочется позвонить в Йель и сказать, что они выпускают придурков.

– Я неплохой человек, – наконец говорит он.

– Конечно.

И знаешь, Бек, он правда не говнюк. Он просто дико закомплексованный. Одного моего взгляда хватило, чтобы он засуетился и отложил Кинга, а ведь тот ему реально понравился. Даю еще один шанс.

– Как тебе Кинг?

– Э-э... – мнется он. Ясно: так ничего и не усвоил.

Выставляю перед ним три одинаковых пластиковых стаканчика с содовой.

– Ты не читал «Короткие интервью», а тесты у нас каждый день.

– У меня... У моей семьи есть деньги, Джо. Много денег. Есть «Альфа Ромео». Хочешь машину, Джо? Забирай.

– Сделай по глотку из каждого стакана и скажи, где «Домашняя содовая».

– Я так не могу. Нужно что-то для очищения рецепторов.

Достаю из сумки заранее припасенную черствую булку – я подготовился.

– Все бутылки открыты одновременно? Вкус содовой меняется со временем на воздухе.

– Одновременно, Бенджи.

– Нужны стеклянные бокалы. Пластик портит вкус.

– Пей.

Протягиваю первый стакан. Он закрывает глаза, делает глоток и принимается гонять его во рту и полоскать горло, как дегустаторы. Хочется залепить ему в морду. Наконец сплевывает в банку с мочой.

– У моего отца есть самолет. Я могу отправить тебя в любой конец света с десятью штуками баков в кармане. И мы забудем обо всем, что было. Отец даже

не заметит. Он все ждет, когда я начну сорить деньгами. Никто ничего не узнает.

– Кусай булку.

– Таиланд. Франция. Ирландия. Куда хочешь.

– Кусай.

Он замолкает, мусолит булку, я достаю следующий стакан.

– Джо, пожалуйста. Зачем тебе все это?

– Пей.

– Результаты все равно будут недействительными, потому что дрожжи перебивают вкус. Нужна соленая вода.

Я никогда не повышаю голос, поэтому, когда прикрикиваю: «Бери стакан, мать твою!», он впадает в панику и хлопается на колени. Вот идиот! Начитался Кинга и теперь, видимо, представил себя его героем. Но там нормальный работяга, бывший смотритель «Фэнуэй-парк»[8 - «Фэнуэй-парк» – бейсбольный стадион в Бостоне, на котором играет команда «Бостон ред сокс».], которого ошибочно обвинили в убийстве. Бенджи ни дня в своей жизни не работал – так, страдал какой-то хренью.

– Встань.

– Соленую воду. Умоляю.

– На дегустации кока-колы и пепси ничего такого не дают.

– Знаешь, что отличает содовую от сельтерской воды и обычной газировки?

Тяжело вздыхаю.

– Соль, Джо. Бикарбонат натрия, или цитрат натрия, или гидрофосфат натрия.

– Пей, Бенджи. Не пудри мне мозги.

– Я не вру! Так и есть. Уж в этом я разбираюсь.

– Пей.

Замолкает и делает глоток, булькает.

– Это не моя содовая.

Ничего не отвечаю и поднимаюсь вверх. Он орет и требует огласить результат. Сохраняю интригу. Неопределенность – полезная штука: учит выдержке и делает сильнее. Вот почему Америка сходит с ума по Стивену Кингу: он умеет удерживать внимание. И прекрасно знает, что безумие при определенных обстоятельствах может охватить любого, хоть бывшего зрителя, хоть богатого бездельника. Старине Стивену наверняка понравился бы мой план. Я улыбаюсь и запираю дверь.

* * *

В гастрономе напротив есть соль и стеклянные банки. Беру и то и другое. Продавец, нормальный парень, дает мне коробку, чтобы проще было нести покупки. Чем больше я вожусь с этой газировкой, тем меньше меня изумляет, что находится горстка идиотов, готовых платить деньги за «Домашнюю содовую». И чем больше я вожусь с Бенджи, тем лучше понимаю, почему миллионы других богатых идиотов не покупаются на эту хрень. «Домашняя содовая» никогда не станет популярна так же, как Стивен Кинг. Чтобы завоевать кого-то, надо его понимать. Если не знаешь потенциальных потребителей, долго на рынке не проживешь.

Бенджи – полный ноль в маркетинге. Надо учиться у «Кока-колы»: те не выпендриваются, а стараются угодить, поэтому выпускают и молодежную, и классическую, и новую, и фирменную, и диетическую, и калорийную версии. Колу пьет и неистовая Бейонсе, и консервативная белая Америка. Противоречие? Нет, гениальный маркетинг. И большие деньги. А Бенджи решил, что он умнее

всех, и стал создавать вокруг своей продукции ореол элитарности и научности. Идиот! Люди никогда не полюбят того, кто не желает вписываться в их рамки.

Яставляю перед Бенджи три банки с содовой, свежую булочку и еще одну банку с соленой водой.

– Полощи.

Он полощет рот, как на приеме у зубного. Я даю ему еще один шанс – еще один шанс превратиться из ничтожества в человека. Потому что до меня парню никто такого шанса не давал. Воспитывали его ужасно: мать никогда не говорила «нет», отец никогда не наказывал, многочисленные няньки молчаливо сносили все капризы. Он сам рассказал мне это на вторую ночь здесь после того, как провалил тест по «Радуге тяготения». Признался, что все учебные работы в Йеле покупал за деньги. Заявил, что просмотрел первые пять страниц книги, очень впечатлился и дальше просто не смог читать. Видите ли, он слишком впечатлительный и чувствительный и способен принимать литературу только малыми дозами. Но если он такой, мать его, восприимчивый, что ж так долго прочищает свои долбаные рецепторы?!

– Пей, – командую я.

Он зажимает нос и делает глоток. Я сдерживаюсь из последних сил. Этот бездельник в детстве никогда не знал ремня и не сидел запертым в своей комнате (или в подвале), в колледже впаривал учителям заказные работы и теперь пытается впаривать пафосным идиотам свое элитное пойло. Я – первый, кому удалось прижать засранца к ногтю и заставить отвечать за свои поступки. Надо сказать, ответственность ему к лицу. Появились морщинки, исчезло гламурно-педоватое выражение. Правда, работы пока полно: он все еще скрещивает ноги, как Вуди Аллен, и сдувает волосы со лба. Но я сделаю из него мужчину.

– Где «Домашняя содовая»?

– Да какая разница?! Мы продаем стиль жизни. Настроение. Здоровье и богатство.

– Разница должна быть. Любой идиот отличит колу от пепси.

– Не сравнивай.

– Где «Домашняя содовая»?

– Откуда мне знать: может, ты врешь и ее вообще здесь нет.

– Я никогда не вру.

– Ты ведь не убьешь меня?

– Где «Домашняя содовая»?

– Конечно, не убьешь, ты слишком умен.

Я ничего не отвечаю, потому что знаю силу молчания – испытал на собственной шкуре. Ни одни слова отца не помнятся мне так ярко, как его безмолвие.

Бенджи тоже проникся: руки у него затряслись. Когда он берет первую банку и подносит к губам, бо?льшая часть содержимого проливается на подбородок и дорожную рубашку. Я просматриваю почту и поверить не могу, сколько людей скучают по этому придурку, любят его. Он гостит у меня всего три дня, а парня уже завалили письмами. Пока он кусает булку и собирается с мыслями, я проверяю твой телефон. Невероятно! Ты еще никому ничего не написала про наше свидание. Наверное, забавляешься со своей подушкой или спишь.

Бенджи берет вторую банку, глотает, полощет рот, сплевывает.

– Точно не здесь, – говорит он и смотрит на меня, явно надеясь на подсказку. Молчу – идеальная тактика с богатенькими избалованными засранцами. Я, когда сидел в клетке, вел себя гораздо лучше: не ныл, не жаловался и не трясся, как последнее ссыкло.

Берет третью банку и говорит:

– Чин-чин!

Я готов придушить его голыми руками. Он не итальянец. Какого черта сует мне в нос свой «чин-чин»? Бенджи делает глоток, облизывает губы, трет подбородок и принимается ходить по клетке.

– Ну?

– Тут не идеальные условия для дегустации.

– Жизнь вообще неидеальна. Для большинства людей.

– Воздух слишком влажный и застоявшийся.

– Где «Домашняя содовая»? В первом, втором или третьем?

Он вцепляется в решетку, трясет головой и плачет. Опять. Я проверяю папку «Отправленные» в твоей почте. Уже девять, ты проснулась и успела тиснуть своему сокурснику сообщение, что тебе понравился его рассказ.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Нантакет – остров в Атлантическом океане, расположен в 48,3 км к югу от м. Кейп-Код и в 24 км к востоку от о. Мартас-Винъярд. Входит в состав шт. Массачусетс.

2

Строчки из песни The Choice Is Yours в исполнении хипхоп-группы «Блэк шип». Являются переделкой известной песни американского кантри-певца Роджера Миллера.

3

Фрэнк Ллойд Райт (1867–1959) – американский архитектор, создавший «органическую архитектуру» и пропагандировавший открытый план.

4

Первая строчка песни Nothing Compares 2 U, написанной американским певцом Принсом для ирландской певицы Шинед О'Коннор.

5

Канадский фильм «Одна неделя» (2008).

6

Лига плюща – ассоциация восьми частных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США; считается, что члены

лиги отличаются высочайшим качеством образования.

7

Строчка из песни London Bye Ta-Ta Дэвида Боуи.

8

«Фэнуэй-парк» – бейсбольный стадион в Бостоне, на котором играет команда «Бостон ред сокс».

Купить: https://tellnovel.com/ru/kepnes_kerolayn/ty

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)